

Древности Кубани

Древности Кубани

(вып. 8)

**Краснодар
1998**

ББК 63.4 (2 РОС37)

Д–74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П., Фролов Б.Е.

Печатается по решению Ученого Совета Красно —
дарского государственного историко — археологического
музея — заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

У Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

Содержание

МЕЛЬНИКОВ А.Е. МАТЕРИАЛЫ К ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПОЗДНЕСКИФСКИХ МОГИЛЬНИКОВ КРЫМА	4
БЕРЛИЗОВ Н.Е. О НЕСКОЛЬКИХ ЗАБЫТЫХ НАХОДКАХ КРУГА «ЗОЛОТОГО КЛАДБИЩА»	9
КАМИНСКИЙ В.Н, ЦОКУР И.В. ИЗ ИСТОРИИ АЛАНСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО – ЗАПАДНОГО КАВКАЗА	14
ЗЕЛЕНСКИЙ Ю.В. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТМУТОРОКАНСКОГО КНЯЗЯ	21
АЛИЕВА С.И. НАИБЫ ШАМИЛЯ НА КУБАНИ	24
ФРОЛОВ Б.Е. КИНЖАЛЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ	28
БОНДАРЬ В.В. КОМПЛЕКСНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОРОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ	39
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	48

Мельников А.Е.

**МАТЕРИАЛЫ К ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ
ХРОНОЛОГИИ ПОЗДНЕСКИФСКИХ МОГИЛЬНИКОВ
КРЫМА**

Археологическое изучение позднескифских памятников Крыма началось во второй четв. XIX в. и продолжается по сей день. Одной из актуальнейших проблем отечественного скифоведения является уточнение хронологический позиции исследованных памятников, периодизации, относительной и абсолютной датировки. Если для периода скифской архаики и классики имеется ряд работ, конкретно посвященных данному вопросу /1, 2, 3, 11, 19, 20, 25 и др./, то хронология позднескифских древностей рассматривалась «по кусочкам» при публикации отдельных памятников /9, 27, 26 и др./, которые были суммированы в своде О.Д. Дашевской без какой-либо дополнительной аргументации и критики /14/. При этом за рамками обсуждения остаются такие вопросы как начальная и конечная даты позднескифских древностей, «узкая» датировка отдельных комплексов в коллективных захоронениях и др.

Для уточнения рамок существования культуры поздних скифов, синхронизации материалов из их могильников и периодов наибольшей активности этого народа на Крымском п-ове сделана попытка уточнить абсолютную и относительную хронологию 11 могильников Крыма и Северного Приазовья.

Относительная хронология комплексов строилась корреляционным методом, получившим в последнее время широкое распространение в работах подобного рода, а абсолютная уточнялась методом «узких дат» /8/.

Корреляция наборов инвентаря из отдельных погребений позволила разбить их на четыре группы, которые можно считать хронологическими /фазы А — Д, Табл. 1, 11/. Эти группы или фазы выделяются на материалах как мужских, так и женских погребений. Некоторые комплексы, вошедшие в корреляционные таблицы не содержали материала для их «узкой» датировки: Акташский — п. 11; 15,1; 18; 33,1; 33,2; Бельбеки I — п. 1; 16 и IV — п. 136; Неаполь Скифский — п. 4, 1; 19,3. Их дата определялась на основании датировки всего периода либо фазы, к которой они относятся.

Перейдем к анализу выделенных групп. Итак, фаза А представлена материалами из 22 мужских и 13 женских погребений, выделившихся по набору из 22 XII /11 мужских и 11 женских/, не встречающихся в последующем. Гераклеийские и синопские амфоры характернейшие XII данной фазы. Рамки их бытования в комплексах Акташского могильника довольно широки. Так, IV в. до н.э. датируются амфоры из п. 21 и 61 /9, С.115,117/. I пол. IV в. до н.э. датируются амфоры из п. 10,2 и 29 /9, С.44,45; 10, С.39/. Более ранней датой, а именно со 2-й по 4-й четв. III в. до н.э. определена гераклеийская амфора из п. 44 /9, С.44—45; 10, С.39/. Синопские амфоры датируются: одна из п. 12,1 — IV в. до н.э., другая из п. 20 — III в. до н.э. /9, С.46/. Чернолаковый канфар-килик из п. 40,45,1 и 52 датируется 2 пол. IV в. до н.э. /9, С.42/. Тем же временем датируется чернолаковая солонка из п. 7,28,40,44 /9, С.41; 10, С.136/. Круглодонный красноглиняный горшок из п. 12,1 датируется 1 пол. IV в. до н.э. /9, С.43; 10, С.143/, а кувшин из п. 28 и 49 — кон. IV — нач. III в. до н.э. /9, С.43/. Хорошими XII служат бронзовые наконечники стрел. Так, трехгранные наконечники с

утопленной втулкой и подточенными концами граней и с выступающей втулкой и слегка опущенными концами граней датируются IV—III вв. до н.э. /21, С.23,25/. Трехлопастные с утопленной и с выступающей втулкой наконечники стрел датируются IV в. до н.э. /21, С.29/. Башнеобразные наконечники стрел с выступающей втулкой датируются V—IV вв. до н.э. /21, С.24/.

Таким образом, фаза А ограничивается рамками IV—III вв. до н.э., скорее даже I пол. III в. до н.э. /Табл.1. 11/, при этом сразу можно разбить на два периода: А1 — IV в. до н.э. и А2 — III в. до н.э.

Фаза В представлена наборами ХИ из 17 мужских и 8 женских погребений. В них скорелировано 22 ХИ /16 мужских и 11 — женских/. Наиболее характерные ХИ данной фазы /Табл.1. 11/ позволили моим предшественникам датировать комплексы этого времени кон. II—I вв. до н.э. или II—I вв. до н.э. /14,22,24 и др./. В настоящее время более оправданной выглядит «широкая» датировка группы в пределах всего II и I вв. до н.э., причем с самого начала этого периода можно датировать некоторые фибулы из Беляуса, которые Б.Ю. Михлин вслед за А.К. Амброзом /а тот — вслед за Я. Филиппом/ относил ко времени не ранее нач. I — кон. II вв. до н.э. /22, С. 195,197,200/. В настоящее время среднелатенские фибулы неапольского варианта относят к периоду С2 латенской культуры или второй — третьей четв. II в. до н.э. /27, С.51—52/. Это подтверждается датировкой фибулы неапольского варианта из беляусского п. 31, относившейся к костяку I, перекрытого еще четырьмя костяками кон. II—I вв. до н.э. /22, С.212/, экземпляра из п.34 того же некрополя, относившегося к сдвинутым костякам 1—11 с сосудами II в. до н.э., перекрытым к тому же костяком ХII с инвентарем кон. II в. до н.э. /Там же/. Значительному удревлению подлежат также фибулы среднелатенской и раннелатенской схемы двух других вариантов. Так, в п.90 костяк I со среднелатенской фибулой с пластинчатым креплением свободного конца ножки перекрыт семью /!/ костяками с материалом II в. до н.э., а те в свою очередь перекрываются костяком IX с брошью кон. II в. до н.э. /15, С.136—140/. Материал и степень разрушенности костяков II—VIII из этой катакомбы позволяют датировать их в пределах третьей, а возможно и второй четв. II в. до н.э., а костяк I и найденную при нем фибулу — первой — второй четв. II в. до н.э. В пределах всего II в. до н.э. может датироваться тройка фибул, найденных при сдвинутых костяках в п. 38. В пользу этого предположения говорит совместное обнаружение с ними сосудов II в. до н.э. и факт перекрывания сдвинутых костяков костяками I—III с материалом кон. I в. до н.э. /22, С.212/.

Если отвлечься от начальной даты комплексов с фибулами фазы В, то набор датирующего материала будет выглядеть следующим образом: фибулы среднелатенской схемы Латена С2 /см.выше/ и Д1 /120 — 70 гг. до н.э. — 16, Рис. 5/, кельтский меч кон. II — нач. I вв. до н.э. /23, С.114/, янтарные бусы типа 2 — II в. до н.э. /5, С.23/, стеклянный бисер типа 9 и сердоликовые бусы типа 3б III—I в. до н.э. /4, С.32; 6, С.16/, бусы из горного хрусталя типа 2а II—I вв. до н.э. /6, С.7/, сердоликовые бусы типа 2в и стеклянный бисер типа 7 — I в. до н.э. — I в. н.э. /6, С.15; 4, С.31/. Краснолаковый одноручный кувшин типа 1,1 датируется I в. до н.э. /17, С.36/. Краснолаковая чашка из ящ. ХII Мавзолей датируется II—I вв. до н.э. /23, С.112/. Золотой наглазник из ящ. ХХХII датируется I в. до н.э. /23, С.109/.

В рамках фазы В можно выделить два хронологических периода: В1 — II в. до н.э. и В2 — I в. до н.э. /Табл.1,11/.

Погребений следующей фазы С представлены в корреляционных колонках 10 мужскими и 22 женскими наборами инвентаря /Табл.1, 11/, позволившие датировать данную фазу I в. н.э. И так, в погребениях фазы С нам удалось выявить пять разного вида фибул. Это: «воинские» бронзовые фибулы со сплошным приемником, датируемые А.К. Амброзом I в. до н.э. — I в. н.э. /7, С.23/; бронзовые же фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника малого размера, да — тируются А.К. Амброзом I в. н.э. /7, С.45/. Частой находкой в комплексах данной фазы являются лучковые подвязные фибулы варианта 1, которые А.К. Амброз относил к 1 пол. I в. н.э., с возможным удревнением до кон. I в. до н.э. /7, С.48—49/; фибулы того же типа варианта 2, относимые ко 2 пол. I — нач. II вв. н.э. /7, С.49—50/. Шарнирная ромбическая фибула — брошь с завитком на углах, найденная в погребении 3 могилы 52 могильника Золотое, датируется 2 пол. I — II вв. н.э. /7, С.33/.

Краснолаковый кувшин типа 2 датируется I в. до н.э. — I в. н.э. /17, С.36/. В погребениях этой и последующей фаз встречаются «смычковые» фибулы, относимые А.К. Амброзом к кон. I — III вв. н.э. /7, С.47/. I и II веками н.э. датируются краснолаковый кувшин типа 6 /12, С.35/ и кувшин типа 1 /12, С.36/. Одноручный краснолаковый кувшин типа 4 и двуручный горшок типа 14а датируются I—II вв. н.э. и I — нач. II вв. н.э. соответственно /13, С.21/. Одноручный краснолаковый кувшин типа 4 датируется I — II вв. н.э. /12, С.35/, а миска типа 18 — I — нач. III вв. н.э. /12, С. 37/. Одноручный краснолаковый кувшин типа 2 и горшок типа 11 датируются I — нач. II вв. н.э. /13, С.21/. Кон. I — нач. II вв. н.э. датируется одноручный краснолаковый кувшин типа лагиноса /12, С. 35/. Круглая рифленая бусина из египетской пасты типа 166 Е.М. Алексеева датирует I в. н.э. /4, С.33/. Зеркало — подвеска с умбоном в центре датируется I в. н.э. /13, С.25/. Хороший XII из погребения 5 могилы 36 Неапольского некрополя — херсонский тетрасарий, датируется 79—96 гг. н.э. /26, С.40/.

Таким образом, фаза С ограничилась рамками I в. н.э. При этом выделилось 2 периода: С1 — 1 пол. I в. н.э. и С2 — 2 пол. I в. н.э. /Табл.1, 11/.

Комплексы последней фазы Д ограничили 10 мужскими и 16 женскими комплексами, выделившихся по 11 мужским и 12 женским XII /Табл. 1, 11/. При этом из фазы С в фазу Д перешло 5 XII по мужских и 8 — по женским погребениям. Фазу Д характеризуют, также, следующие XII: лучковые подвязные фибулы варианта 3 и 4 датируемые А.К. Амброзом II в. н.э. и 2 пол. II — 1 пол. II вв. н.э. соответственно /7, С.49—50/. II в. н.э. датируются сильнопрофилированные фибулы типа 1—2 /7, С.40—41/. Крупные фибулы с завитком или кнопкой на конце пластинчатого приемника датируются II — III вв. н.э. /7, С.45/. Двуручный краснолаковый кувшин типа 9 датируется I — II вв. н.э. /13, С.21/, а одноручный кувшин типа 5 датируется II в. н.э. /там же/. Стекланный бальзамарий из погребений могильника Бельбек IV типа 1,2, А датируется I — II вв. н.э. /18, С.157,159/. И последний, характерный для данной фазы XII — зеркало — подвеска сарматского типа с орнаментом датируется II — III вв. н.э. /13, С.25/.

Таким образом, фаза Д ограничилась рамками 1 пол. II — 1 пол. III вв. н.э. При этом выделяется 2 хронологических периода: Д1 — 1 пол. II в. н.э. и Д2 — 2 пол. II — 1 пол. III вв. н.э.

Таблица I. Поздние скифы в Крыму. Мужские погребения.

ХИ	2	4	6	8	10	12	14	16	18	20	22	24	26	28	30	31	33	35	37	39	41	43	
Комплексы	1	3	5	7	9	11	13	15	17	19	21	23	25	27	29	31	32	34	36	38	40	42	Дата
Акташский 7																							IV в. до н.э.
Акташский 16 п.2																							IV в. до н.э.
Акташский 28																							IV в. до н.э.
Акташский 44																							IV в. до н.э.
Акташский 45 п.1																							IV в. до н.э.
Акташский 19 п.2																							IV в. до н.э.
Акташский 39																							IV в. до н.э.
Акташский 13																							IV в. до н.э.
Акташский 12 п.1																							IV в. до н.э.
Акташский 49																							IV в. до н.э.
Акташский 59																							IV в. до н.э.
Акташский 10 п.1																							IV в. до н.э.
Акташский 10 п.2																							IV в. до н.э.
Акташский 12 п.2																							IV в. до н.э.
Акташский 22																							IV в. до н.э.
Акташский 60 п.2																							IV в. до н.э.
Акташский 37																							IV в. до н.э.
Акташский 20																							IV в. до н.э.
Акташский 12 п.2																							IV в. до н.э.
Кулачук 1 п.4																							IV в. до н.э.
Беглиц 3 п.2																							IV в. до н.э.
Беглиц 7 п.5																							IV в. до н.э.
Неапольский 4 п.1																							IV в. до н.э.
Неапольский 4 п.2																							IV в. до н.э.
Белаяус 38 п.2 п.3																							IV в. до н.э.
Белаяус 31 п.23 п.27																							IV в. до н.э.
Белаяус 34 п.19 п.25																							IV в. до н.э.
Белаяус 39 п.55																							IV в. до н.э.
Белаяус 41 п.3																							IV в. до н.э.
Белаяус 53 п.18 п.28																							IV в. до н.э.
Белаяус 90 п.24																							IV в. до н.э.
Золотое 44 п.2 п.3																							IV в. до н.э.
Золотое 47 п.1																							IV в. до н.э.
Золотое 20																							IV в. до н.э.
Золотое 159																							IV в. до н.э.
Наваляк 102 п.2																							IV в. до н.э.
Наваляк 210 п.5																							IV в. до н.э.
Наваляк 90 п.2																							IV в. до н.э.
Наваляк 320 п.4																							IV в. до н.э.
Белаяус 2 п.13 п.17																							IV в. до н.э.
Белаяус 10 п.7 п.8 п.9																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 19																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 39																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 33																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 64																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 91																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 136																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 66																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 37																							IV в. до н.э.
Золотое 57 п.2																							IV в. до н.э.
Золотое 57 п.3																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 118																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 119																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 112																							IV в. до н.э.
Бельбек IV 114																							IV в. до н.э.
Бельбек I 1																							IV в. до н.э.
Бельбек I 16																							IV в. до н.э.

КЕРАМИКА: ЛЕПНАЯ - 20, КРАСНОГЛИНЯНАЯ - 2, 7, ЧЕРНОЛАКОВАЯ - 1, 18,
 СЕРОГЛИНЯНАЯ - 10, 22, КРАСНОЛАКОВАЯ - 23, 30, 33, 35, 39, 40
 БРОНЗА - 3, 4, 5, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 24, 27, 29, 34, 41
 ЖЕЛЕЗО - 12, 21, 28, 31, 32, 36, 38, 42, 43
 ЗОЛОТО - 25, 26
 СТЕКЛО - 8, 19
 РАКУШКИ - 37

ТАБЛИЦА II Поздние скифы в Крыму Женские погребения

[illegible]

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н.э. // СА. 1987. 3.
2. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. 1991. Вып. 31.
3. Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб. 1992.
4. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. 1975. Т.1.
5. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. 1978. Т.2.
6. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. 1982. Т.3.
7. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып.Д1-1Г. 1966.
8. Бажан И.А., Еременко В.Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П.Рейнке // ПАВ. Вып.1. СПб. 1992.
9. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев. 1988.
10. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л. 1980.
11. Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келермесских курганов // СА. 1994. 1.
12. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине р.Бельбек в Крыму /по материалам могильников/ // Тр.ГИМ. Вып.54. 1974. Ч.1.
13. Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые вв. н.э. // Тр.ГИМ. Вып.54. 1982.
14. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып.Д1-7. 1991
15. Дашевская И.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. 3.
16. Каспарова К.В. Зарубенецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. Вып.25. Л. 1984.
17. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев. 1983.
18. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора // Тр.ГЭ.М. 1972. Т.XIII.
19. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. 3.
20. Медведская И.Н. Заключение по дискуссии // РА. 1994. 1.
21. Милюкова А.И. Вооружение скифов. М. 1964.
22. Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980.
23. Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 96. 1961.
24. Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // МИА. 177. 1971.
25. Раевский Д.С. О логике построений скифской хронологии // РА. 1993.
26. Симонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев. 1983.
27. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб. 1994.

Берлизов Н.Е.

О НЕСКОЛЬКИХ ЗАБЫТЫХ НАХОДКАХ КРУГА «ЗОЛОТОГО КЛАДБИЩА»

В 1982—1994 гг. И.П.Засецкая и И.И.Гущина в серии работ опубликовали находки из погребений эпохи позднего эллинизма — раннего римского времени, исследованных в 1895—1913 гг. на Кубани и вошедших в историю под общим

названием «Золотое Кладбище» /6, 7, 8, 9/. В научный оборот был введен великолепный материал, известный ранее лишь фрагментарно по описаниям и немногочисленным фотографиям в ОАК и ИАК. Вместе с тем по странной случайности некоторые находки, частью опубликованные в дореволюционной археологической периодике, частью хранящиеся в Государственном Эрмитаже не нашли отражения в капитальном и кропотливом труде И.П.Засецкой и И.И.Гушиной. Им и посвящена данная работа. Сразу же хочу выразить глубокую благодарность и признательность И.П.Засецкой, любезно ознакомившей меня с коллекцией находок из Прикубанья за 1890–1914 гг., хранящейся в Отделе Истории первобытной культуры Эрмитажа; а также сотрудникам Фотоархива ЛО ИА /ныне — ГАИМК/ Г.В.Длужневской и Л.Ю.Березовской, предоставивших в мое распоряжение фотографии находок Н.И.Веселовского из курганов «Золотого Кладбища».

Обзор забытых находок из курганов Прикубанья начнется с материалистов из раскопок Забродина в 1899 г. в Зубовском хуторе. Как известно, здесь были исследованы 4 кургана, однако, начиная с первопубликации К.Е.Думберга /10/ и до последних исследований /7/ рассматривались материалы только из двух. В коллекции ОИПК Эрмитажа №8234 за номерами 72–79 хранятся находки из Зубовского хутора, не относящиеся к курганам 1 и 2 и происходящие, по всей вероятности из неопубликованных насыпей 3 и 4 /либо из одной из них/. Это бронзовое литое зеркальце — подвеска, серолощенная кружальная кружка, пять целых и одна фрагментированная стеклянные бусины, серолощенный, кружальный сосудик и обломок зуба животного /Рис.1, все кроме зеркала зарисовано без масштаба/. Зеркальце — подвеску с боковой прямоугольной ручкой — петелькой и рельефным орнаментом на обороте диска можно отнести ко второму варианту IX типа сарматских зеркал, датируемому II — первой пол. III вв. /1, 18/. Плоскодонный сосудик с биконическим туловом и воронкообразным горлом близок сарматским же сосудам типа К29 по А.С.Скрипкину /17, Рис.14, 29/ I — II вв. н.э. /Там же. Рис.45/. Кружка на кольцевидном поддоне с петлевидными ручками, орнаментированная по тулову и шейке горизонтальными поясками и расположенными между ними «полотенцами» близка позднемеотским и сарматским образцам I — II вв. /17а, Таб. 76, 13; Таб.97, 12/. Из бус 3 экземпляра относятся к типу 166 /одноцветный цилиндрический бисер — 2, С.72, Таб.33: 71/, одна крупная бусина из черного или темно — синего стекла, обвитая белой нитью поперек и украшенная семью глазками /три вокруг одного отверстия, четыре — вокруг другого/ синего цвета в белых ободках близка типу 358 полихромных бус, отличаясь от них лишь расцветкой глазков /2, С.54, Табл.32: 22, 24/. Удлиненная веретеновидная бусина из глухого белого стекла, обвитая двумя синими нитями и украшенная сине — бело — красными глазками не имеет аналогий, так же как фрагмент крупной цилиндрической пронизи из глухого зеленого стекла с черными глазками в желтых ободках. В целом данный набор предметов можно узко датировать II в. н.э..

В 1900 г. некий купеческий сын Н.И.Петрик раскопал курган в юрте ст. Тифлисской на берегу р.Зеленчук у т.н. Песчаного Городка /13, С.103–104/. По его словам под насыпью находилась квадратная яма, по углам которой стояли столбы, накрытые «металлическими чашечками». Погребенный лежал в гробу головой на север. У его головы справа лежало серебряное блюдо и «металлический сосуд в форме рюмки», на груди находились бусы и золотая фибула, слева стоял стеклянный сосуд, по всему гробу лежали золотые бляшки —

лунницы. Кроме того из погребения происходили 2 золотые амулетницы, 2 золотые колосовидные подвески, железный кинжал, глиняные кувшины /разбиты рабочими/ и другие вещи, «в том числе серебряные и медные, но они рассыпались на мелкие части /Там же/. В ОАК были приведены фотографии лунницы, лучковой золотой фибулы 5 варианта по А.К.Амброзу /5, С.51/, золотой цилиндрической амулетницы, колосовидной подвески и агатовой бусины /Рис.2; 5, Рис.185—189/. Помимо этого в коллекции 2234 ОИПК Эрмитажа хранится 12 бус /Рис.2, все без масштаба/. Среди них стеклянная короткоцилиндри — чeskая бусина, орнаментированная продольными полосками бежевого, черного и белого цвета, близкая экземплярам типа 191 /3, С.43, Таб.27: 82—84/; шаровидная синяя глазчатая бусина с тремя синими глазками в белых ободках типа 33а /2, С.61—62, Таб.15: 1—3/; крупная бусина с продольно — волнистым орнаментом зеленого, серого, желтого, синего и белого цвета может быть отнесена к типу 289 /3, С.5И, Таб.29: 25,30/, округлые стеклянные бусы глухого белого, красного, зеленого и светло — серого цвета относятся к типам 2, 3, 8 /3, С.63—64/, в этой же коллекции — агатовая бочковидная удлиненная пронизь типа 3а /4, С.20, Таб.36: 35/, опубликованная в ОАК. Отсутствие большей части находок и широкие хронологические рамки бытования стеклянных бус вынуждают датировать данный комплекс только по двум предметам: золотой фибуле и агатовой бусине, которые могли встретиться в одном комплексе во второй пол. II — III вв.н.э./4, С.20; 5, С. 51/.

Третий забытый комплекс находок происходит из раскопок Н.И. Весе — ловского в 1901 г. между ст. Казанской и Тифлисской и был опубликован Э.Э.Ленцем /11/. Он включает сильно разрушенный железный шлем с тульей в виде фригийского колпака, прямым наносником и нащечниками; панцирный набор из железных и бронзовых пластин; фрагменты кольчуги; железный меч без перекрестия и наверхия с рукоятью, обложенной деревом /общ. длина — 81,5 см, в т.ч. рукоять — 7 см, ширина клинка — 3,5 см/ /Рис.3; II, С.120—130, Рис.1—3,5—19,21/. Номер кургана, из которого происходили находки, в работе Э.Э.Ленца указан не был, что, вероятно и послужило причиной его отсутствия в современных публикациях «Золотого Кладбища». Вместе с тем, рукописный отчет Н.И.Веселовского и его текст в ОАК за 1901 г. позволяют уверенно говорить о том, что длинный меч был найден в к.52 у ст. Тифлисской /14, С.85—86/. Со всей определенностью о происхождении данного набора вооружения из к.52 писал М.И.Ростовцев /16, С.563/. Основной набор находок из этого кургана относится к третьей хронологической группе «Золотого кладбища» по И.И.Гушиной и И.П.Засецкой или к кон. II — нач. III вв. /8, Рис. 2/. С этой датой не особенно расходится и датировка предметов, опубликованных Э.Э.Ленцем. Шлем, как отмечал автор публикации по конструкции в целом близок шлемам из т.н. Истяцкого клада, хранящимся в Тобольском музее /11, С.123/. В состав последнего входит китайское «восьмиарочное» зеркало без специальной ленты для надписи /19, Таб.XIX/, которое можно датировать I — нач. II вв. /12, С.102/, а с учетом того, что истяцкий экземпляр явно длительно использовался и приобрел в Зауралье дополнительно процарапанный орнамент — только II в. н.э.. Так же можно датировать и клад в целом. Шлемы, аналогичные тифлисскому по конструкции тульи изображены на римском сар — кофаге с батальными сценами 150—160 гг. н.э. /21, Р.86, fig.108—109/. Набор панцирных пластин и чешуек находит аналогии в к.1 и 20 у ст. Казанской, к. 26 и 28 у ст. Ладожской /9, Таб.1:4; 9:84; 19:178; 20:188/, датируемых в пределах

второй пол. I — первой пол. II вв. /9, С.36/ и в римских лагерях на Дунае, в Германии и Британии /22, Р.154, fig.159; PL. 162, 441/. Р.Робинсон предполагает, что они являлись деталями кавалерийской чешуйчатой лорики /21, Р.154/. Наконец, меч без металлического перекрестия с напускным навершием отно — сится к группе мечей т.н. «боспорского типа», широко распространенных в степи в I—III вв. н.э.

Следующую находку трудно назвать забытой — ее описание приведено в опубликованном отчете Н.И.Веселовского /15, С.67/ и каталоге И.И.Гузиной и И.П.Засецкой /9, С.55, Кат.222/. По описанию Н.И.Веселовского это «медная чашка с железным ободком и ручкой» /15, С.67/. Судя по каталогу «Золотого Кладбища» мы имеем дело с бронзовым тазом типа Эггерс — 100 /9, С.29, 55, Таб.23: 222/, который, однако, ни ободка, ни ручки не имеет. Вместе с тем, в коллекции фотодокументов, связанных с «Золотым Кладбищем», хранящейся в фотоархиве ГАИМК /быв. ЛОИА/ сохранилась фотография небольшого бронзового котелка с округлым дном, сужающимся кверху туловом, отделенным от дна резкой гранью, край слегка отогнут и имел профилированный венчик, под венчиком четко виден железный ободок /Фотоархив ГАИМК, фото Q. 424. 24, 25/. Судя по подписи на фотографии именно этот котелок происходит из к.9 у ст. Тифлисской /раскопки 1902 г./, а изображенный в каталоге 1994 г. таз должен относиться к другому комплексу. Котелок можно отнести к типу «Дебельт», как и опубликованный И.И.Гузиной и И.П.Засецкой сосуд из к.15 у ст. Тифлисской /9, С.30, Таб.28: 273/, ближайшим его аналогом можно считать котелок из к. 26 у с.Старица /20, С.162, Рис.61:1/ II в. н.э.

Отсутствует в последних сводках и информация о поясном наборе, найденном в 1901 г. в насыпи кургана 16 у ст. Казанской /8, Рис. 151 — 153/.

Набор включает бронзовые с серебряными накладками пряжку с прямо — угольной рамкой, коротким массивным язычком и прямоугольной обоймой с ажурной прорезью, ажурные прямоугольные и овальные поясные накладки /Рис.4/. По стилю его можно отнести к серии украшений, широко распространенных в Паннонии в I — нач. II вв. н.э., причем пик их производства по Й.Гарбшу приходится на время правления Клавдия /21, 6.88, Абб.45, 46/. Стилистически близкий накладки на ножны мечей из Паннонии И.Вернер отнес к первой пол. I в. н.э. /23, 5. 176 — 177, Абб.5/. Это позволяет отнести время сооружения катакомбы в к.16 у ст. Казанской /напомню, полностью ограбленной/ к сер. I в. н.э. или даже более раннему периоду, если поясной набор попал в насыпь после совершения захоронения.

В заключение позволю себе еще раз выразить глубокую благодарность И.П. Засецкой, ознакомившей меня с коллекцией ОИПК Эрмитажа и позволившей опубликовать находки из Зубовского хут. и «Песчаного Городка»; Г.В.Длужневской и Л.Ю.Березовской, предоставивших в мое распоряжение материалы фотоархива ЛОИА; М.Б.Щукину, указавшему аналогии поясному набору из ст. Казанской и предоставившему необходимую литературу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.П-12. 1975.
3. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ, Вып.П-12. Ч.II. 1978

«ЗОЛОТОГО КЛАДЬИЩА»

4. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. Вып.П-12. Ч.III. 1982
5. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР //САИ. Вap.Д1-30. 1966
6. Гущина И.И. К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н.И.Веселовским в 1900 году //История и культура сарматов. Саратов, 1983
7. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения «зубовско-воздвиженского» типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье /I в. до н.э. - II в. н.э./ //Тр.ГИМ. Вып.70, 1989
8. Гущина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье /по материалам раскопок Н.И.Веселовского/ //Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992
9. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994
10. Думберг К.Е. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. Вып. 1. 1901
11. Ленц Э.Э. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области // ИАК. Вып.4. 1902
12. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Вып.4. М., 1978
13. ОАК за 1900 г.
14. ОАК за 1901 г.
15. ОАК за 1902 г.
16. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925
17. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990
18. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал //СА. 1963.
19. Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени //ИИА. 1953. Вып. 35
20. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975
21. Garbisch J. Die Norisch-Pannonische Frauentracht im 1 und 2 Jahrhundert. Munchen, 1965.
22. Robinson R.R. The armour of imperial Rome. London, 1975.
23. Werner J. Spatlatene - Schwerter norischer Herkunft. in Werner J. Spates Keltentum zwischen Rom und Germanien. Aufsätze zur Spatlatenezeit. Hrzg. von Ludvig Pauli. - Munchen: Beck, 1979.

Каминский В.Н, Цокур И.В.

ИЗ ИСТОРИИ АЛАНСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

В средневековый период истории Северо — западного Кавказа аланы занимали видное место как крупная политическая сила, связанная с такими государствами как Хазария, Грузия и Византия. В раннем средневековье аланы вместе с местными племенами создали высокую культуру, а несколько позднее, в X в., государство (24).

Большое значение для изучения культуры и этнической истории алан имеют археологические памятники, расположенные по берегам степных рек, в предгорьях и горах. В археологической литературе вопросам, связанным с аланами посвящено много работ. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что в междуречье Лабы и Терека, на Северном Кавказе, располагалось северокавказская Алания, включающая в себя территорию современной Карачаево-Черкесии, южных районов Ставропольского края, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и плоскостную часть Чечено-Ингушетии.

Первые сведения об аланах Северного Кавказа мы находим у Иосифа Флавия, который описал поход алан в Мидию в 72 г. н.э. Иосиф Флавий локализовал алан в Предкавказских степях, недалеко от Меотиды (2, с. 277). Здесь же алан помещает Птолемей и Аммиан Марцелин, который указывает, что имя алан объединяет многие соседние народы, покоренные аланами, распространив на них свое имя (27, с. 304–305). Византийская историография сохранила нам достаточно большое число сведений об аланах. Наиболее яркие из них имеются в источниках VI–VIII вв. и после X в. Весьма показательны в этом отношении свидетельства Менандра Византийца. Описывая путь византийского посольства Зимарха в Согдиану, он указывает о посещении византийцами аланского вождя Сарозия, владения которого располагались в верховьях Кофина (Кубани) (11, с. 383–384). Другой автор VI в. Прокопий Кессарийский отмечает, что от пределов Кавказских гор до Каспийского моря обитали аланы издревле дружественные христианам и ромеям (34, с. 291). Довольно интересные и подробные известия об аланах содержатся в сообщениях Феофана Исповедика, связанных с пребыванием Льва Исавра, будущего императора у алан на Западном Кавказе (28, с. 83, 64). Описывал племена, живущие на Северном Кавказе сирийский историк VI в. Захарий Ритор упоминает алан (Пигулевская Н.В., с. 165). Наиболее подробные сведения о народах, обитавших на Северном Кавказе, содержатся в «Армянской географии» VII в. Анания Ширакаци, сохранившийся в двух вариантах редакции – краткой и просторной: «Народы в Сарматии распределены следующим образом, потоком с запада и поправляясь к востоку. Во-первых, народ Агванов (не Алан), Амдигор на юге. С ними вместе живут Хебуры, Кутеты, Аргвелы, Мордуйлы и Такуйры. За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армна, которая направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем» (7, с. 30). В переводе «Армянской географии» А. Сукри перед народом Индигор помещаются ал(б)ани, который, по мнению Ю.С. Гаглойти является исключением этнонима аланы, употребленного в указанном контексте дважды (13, с. 187). В новом переводе «Армянской географии», выполненном С.Т. Еремяном, вместо племени албаны перед этнонимом Индигоры помещаются аланы. В.А. Кузнецов полагает, что агваны являются аланами (23, с. 54).

С конца VIII в. и в IX в. аланы исчезают со страниц письменных источников византийских авторов. Вероятно, последнее обстоятельство связано с политической ситуацией на Северном Кавказе, когда аланы попадают под власть Хазарского каганата. На это также указывает письмо хазарского царя Иосифа: «Все аланы до границ Аф-кана платят мне дань» (19, с. 103).

Значительно больше сведений об аланах дают источники X в. На Северном Кавказе между царством Серир и кашаками помещает алан арабский географ Аль-Масуди (30, с. 204, 206). Этот автор сообщает нам не только о

занимаемой территории алан, но и некоторые данные о социально — экономическом развитии Алании. Подробные сведения о расселении племени на Северо — западном Кавказе мы узнаем из сочинения «De administrando imperio» Константина VII Багрянородного, написанного около 950 г. Константин Багрянородный помещает Аланию за «Кавказскими горами» рядом с Косахией (21, с. 21). Между Черным и Каспийским морями помещает Аланию Персидский аноним конца X в. (26, с. 215), а о делении алан на четыре племени дает нам арабский географ X в. Ибн — Русте (30, с. 221).

Особенно интересные известия об Алании времени нашествия монголо — татар на Кавказ мы узнаем из «Аланского послания епископа Феодора». Автор послания был свидетелем тяжелой обстановки в Алании в тот период, которая нашла отражение в послании Константинопольскому патриарху (15, с. 11 — 27). Аналогичную картину рисует Гильом де Рубрук, совершивший в 1253 — 55 гг. путешествие в Аланию. Рубрук в описании своего путешествия дает ценные данные об аланах Северного Кавказа (36, с. 108, 186). О феодальной раздробленности у алан сообщает нам доминиканец Юлиан. Он пишет, что у алан сколько селений, столько и вождей (6, с. 78 — 79). Материалы касающиеся северокавказских алан мы находим у Иосафата Барбаро, который с 1436 по 1452 гг. шел в Танаис (Азове). Описывал Крепости и свое путешествие в Мингрелию, автор дает описание Алании, которая находилась на Северном Кавказе (35, с. 137, 165). Составляя «Географию Грузии» в 1746 г. царевич Вахушти, на основании грузинских летописей, поместил Аланию в верховьях Кубани (Вахушти, 1904, с. 85).

Несмотря на, казалось бы, многочисленные письменные источники, основным источником для изучения социально — экономического развития, материальной и духовной культуры алан являются данные археологии. С кочевниками сарматами и, в частности, с аланами связывают катакомбные погребения первых веков н.э., открытые в Поволжье и на Северном Кавказе. К ним впервые очередь относятся «Золотое Кладбище» в Прикубанье, в Карачаево — Черкессии (4, с. 57 — 63), Пятигорье (22, с. 266, 269), Чечено — Ингушетии (12, с. 105 — 108), Кабардино — Балкарии (17, с. 22). По форме могильных сооружений, погребальному обряду и материальной культуре эти могильники имеют ближайшие аналогии в синхронных памятниках Поволжья (3, с. 125 — 126).

Уже в первые века н.э. аланы проникают в Предгорье Кавказа. Об этом свидетельствуют подкурганые катакомбные захоронения в ст. Усть — Джугтинской (29, с. 39 — 40) у а. Учкеев и Терезе (3, с. 184), сел. Чегем (17, с. 178 — 184) и др.

Аланская принадлежность катакомбных погребений Северного Кавказа в настоящее время принята большинством исследователей (26, с. 42 — 43; 4, с. 149 — 150; 8, с. 92). К.Ф. Смирнов на основании анализа археологического материала говорит о сарматском происхождении катакомб Поволжья и Северного Кавказа (38, с. 64). Противоположного мнения придерживается М.П. Абрамова, которая считает катакомбную форму погребения местной по происхождению. В связи с этим, по предположению М.П. Абрамовой, катакомбные погребения рубежа н.э. не могут служить этническим показателем, объясняя их возникновение социальными причинами (1, с. 64). Это было первое проникновение племен ираноязычного круга. Вместе с тем, М.П. Абрамова раннесредневековые катакомбы Центрального Кавказа связывает с аланами

(1, с. 49). Гораздо значительней была вторая волна, которая имела решающее значение в изменении этнографии исследуемого региона. Масса алан после гунского нашествия передвинулась далеко к югу, вглубь Кавказа. Именно в это время, начиная с V в. н.э. катакомбные могильники во все возрастающем числе появляются в предгорьях и горах Северного Кавказа.

Катакомбные могильники на Северном Кавказе охватывают территорию от р. Лабы на западе до восточных районов Чечни на востоке. Большинство исследователей принимает территорию распространения катакомбных могильников за историческую территорию Северокавказской Алании (37, с. 96).

По мнению В.А. Кузнецова, достаточно полное совпадение показаний письменных источников (хотя и мало конкретных), археологических данных, сведений фольклора и топонимики подводит к мысли о том, что западная граница Алании, в соответствии с существующими источниками намечена удовлетворительно. Она могла проходить скорее всего по течению Большой Лабы (26, с. 215). Данные сведения подтверждают указанное выше предположение, о локализации Алании сообщает арабский географ аль Масуди. Он указывает на соседство Алании с Сериром и о браке царя Алании с сестрой царя Серира (30, с. 203–204). Надо полагать, что в данных сообщениях нашло отражение самое непосредственное территориальное соседство не только в X в., но и в хазарское время VIII – IX в.в., что археологически хорошо подкрепляется топографией недавно выявленных катакомбных могильников в Ичкерии (29, с. 39–40). По мнению В.А. Кузнецова, Ичкерия была зоной этнического стыка и контактов между Сериром, Аланией и Хазарией, осложненной наличием здесь автономных горных племен вайнахского происхождения в Аланию, вероятно, не входивших. (26, с. 216). А.В. Гадло восточную границу Алании доводит до начала Терско – Сулакской низменности и, таким образом, все предгорные районы Чечни и Ингушетии включает в Аланию (14, с. 173). На территории, получившей в источниках наименование «Алании» жило многочисленное и неоднородное этноязыковое население. В.А. Кузнецов отмечает, что название самой страны указывает на доминирующий слой аланских племен, сформировавшийся в хазарское время на основе включения различных по происхождению ираноязычных этнических элементов в аборигенную кавказскую среду и процессов этнической интеграции и ассимиляции. Сам по себе аланский массив также был неоднороден (26, с. 217), на что указывают письменные источники (Ананий Ширакаци, Ибн – Русте).

Еще в 60 – х гг. В.А. Кузнецов на основании археологического материала разделит территорию Алании на две культурные области (25, с. 63–64). Дальнейшее изучение материалов подтвердило существование двух историко – культурных областей Алании на Северном Кавказе: Западного и Восточного вариантов аланской культуры.

Западный вариант выделен В.А. Кузнецовым на основании отличительных особенностей археологических памятников аланской культуры эпохи средневековья в верховьях Кубани и Зеленчуков. На этой территории достаточно широко распространены наземные гробницы. В районах более западных и более восточных, они совершенно неизвестны. Нет их и на среднем и нижнем Прикубанье. Нет аналогичных памятников и в Кабардино – Балкарии и за Кавказским хребтом в Абхазии (25, с. 66). Сюда же В.А. Кузнецов относит дольменообразные склепы являющиеся специфически местными в верховьях

Кубани и не имеющие аналогий в других местах. По мнению В.А. Кузнецова, рассмотренные выше наземные гробницы и дольменообразные склепы являются специфическими местными, локальными монолитными сооружениями, при — сущими только данному региону.

В указанном районе в этот период достаточно широко распространены подземные склепы. Детальное сравнение, проведенное В.А. Кузнецовым, показывает, что подземные склепы Верхнего Прикубанья по ряду конструктивных деталей заметно отличаются от склепов Кабардино — Балкарии. Для подземных склепов Верхнего Прикубанья характерны следующие черты: 1 — отсутствие курганных насыпей; 2 — отсутствие входных отверстий; 3 — прямые вертикальные стены; 4 — полки внутри камер. Эти черты не характерны для склепов Кабардино — Балкарии и Северной Осетии (25, с. 66). Указанное сравнение позволило В.А. Кузнецову признать склепы верховьев Кубани могильными сооружениями, обладающими чисто местными, локальными особенностями конструкции, которые дают основание отделить их от подобных сооружений соседних районов (25, с. 67).

Западная граница их намечается между реками Урупом и Большой Лабой, восточная — приблизительно по верховьям р. Малка и меридиану Эльбруса, южная — по Главному Кавказскому хребту. Северная граница теряется в предгорьях и в настоящее время плохо различима. Наличие на очерченной территории локальной группы могильных сооружений, присущих только этой территории, свидетельствует о существовании здесь довольно своеобразного варианта материальной культуры северокавказских племен в эпоху средневековья (25, с. 67).

Погребальный обряд склепов и наземных гробниц характеризуется не — устойчивой ориентировкой, зависящей от местоположения могилы. Для гробниц характерен индивидуальный обряд захоронений, тогда как склепы служили коллективными усыпальницами. Костяки лежали в вытянутом положении, женщины — в скорченном (25, с. 67). Неустойчивая ориентировка погребенных позволяет вполне четко отделить погребальный обряд, бытующий в верхнем Прикубанье от обряда существующего в раннем средневековье на территории Кабардино — Балкарии и Северной Осетии. Здесь более типична довольно устойчивая западная ориентировка (25, с. 67). Другая особенность погребального обряда верховьев Кубани, уже отмечалась — обычай погребения на поверхности земли в наземных могильных сооружениях. Такая особенность в рассматриваемую эпоху совершенно не характерна для погребального ритуала Кабардино — Балкарии, Среднего и Нижнего Прикубанья. На территории Центрального Кавказа погребения в наземных склепах занимают место лишь в последующую эпоху позднего средневековья.

Характерной чертой погребального обряда верховьев Кубани являются скальные захоронения в катакомбах, нишах и гробницах. В настоящее время известно свыше 30 таких могильников (5, с. 31), свидетельствующих об большом удельном весе поселений скального обряда среди поселений региона. Т.М. Минаева, позднее Е.П. Алексеева, В.А. Кузнецов, Г.Е. Афанасьев связывают эти могильники с аланами, а также с западной их ветвью — асами (31, с. 137; 4, с. 68; 23, с. 60). Здесь, вероятно, следует указать, что существует и другая точка зрения об этнической принадлежности скальных могильников верховьев Кубани. В.Б. Ковалевская, Х.Х. Биджиев, И.М. Мизиев и А.П. Рунич считают эти могильники тюркскими, связанными с болгарами (32, с. 93 — 94; 20, с. 126; 9,

с. 60; Гадло А.В., 1979, с. 171). Однако аланская принадлежность скальных могильников верховьев Кубани более аргументирована и на наш взгляд является более убедительной (31, с. 136 – 137).

Некоторые особенности топографии аланских городищ верховьев Кубани также отделяют их от городищ Северной Осетии и Кабардино – Балкарии. И.М. Чеченов, изучая топографию городищ Кабардино – Балкарии, разделил их на две группы: земляные и каменные (39, с. 205 – 206). К земляным городищам он отнес городища с валами и рвами, к каменным – городища укрепленные каменными стенами. Как отмечает В.А. Кузнецов, для западного варианта аланской культуры характерны каменные городища, которые почти не известны на Центральном Кавказе (4, с. 70 – 71). Одновременно здесь очень редко встречаются грунтовые катакомбные могильники, характерные для Центрального Кавказа.

Рассмотренные типы могильных сооружений, характер погребального обряда, топография и некоторые формы керамики, занимающие район верхнего Прикубанья от Лабы до Малки и Хасаута, – все эти формы материальной культуры обладают специфическими местными особенностями и позволили В.А. Кузнецову выделить локальный вариант аланской культуры, названный им «западным» (25, с. 64).

К востоку от Кубани встречаются иные, по сравнению с верхним Прикубаньем, типы могильных сооружений, новые детали в погребальном обряде, ряд местных форм керамики, приемы фортификации городищ и поселений. Здесь достаточно широко распространены захоронения в каменных ящиках подземных и полуподземных склепах, катакомбах (26, с. 264). Различия заметны не только в погребальных сооружениях, но и в деталях погребального обряда, а также в ориентировке погребенных. Для более восточных районов характерны «земляные» городища, укрепленные рвами и валами.

До XIII в. у алан Центрального Кавказа существовали религиозные обряды, связанные с употреблением характерных цилиндрических курильниц типа стакана с отверстием в дне (26, с. 288; 16, с. 63). Изучая эти культовые предметы В.А. Кузнецов пришел к выводу, что такие курильницы характерны для восточных районов Кавказской Алании и могут являться эталоном при выявлении собственно аланских памятников (26, с. 52 – 54). К западу от Пятигорска, включая верховья Кубани, курильницы рассматриваемого типа ранее не были известны (23, с. 289).

В то же время керамика с городищ Западного локального варианта отлична от керамики с городищ Центрального и Восточного вариантов (25, с. 72). Совокупность приведенных данных легла в основу выделения В.А. Кузнецовым восточного локального варианта аланской культуры.

Деление аланской культуры на Северном Кавказе на два крупных локальных варианта, согласуется с данными письменных источников, которые, по мнению В.А. Кузнецова, принадлежали двум племенным союзам: аланам и асам (25, с. 127, 131).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Абрамова М.П. к вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // *СА*, 1, 1978.
2. Абрамова М.П. Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по археологическим данным // *XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала,*

- 1988.
3. Алексеева Е.П. Памятники меотской и сарматской культуры Карачаево-Черкессии//Труды КЧНИИ, вып. V. Ставрополь, 1966.
4. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.
5. Андреева Н.В., Корневский С.М. Работы Ставропольской экспедиции//АО, 1985 года. М., 1987.
6. Анненский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив, III. 1940.
7. Армянская география VII в., Патканов В.Г. Из нового списка географии VII в., приписываемой Моисею Хоренскому//ЖМНП. М., 1883.
8. Афанасьев Г.Е. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтовомаяцкой культуре//Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992.
9. Биджиев Х.Х., Гадло А.В. Раскопки Хумаринского городища//Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979.
10. Вахушти. География Грузии//ЗКОРГО, кн. XXIV, вып. V. Тифлис, 1904.
11. Византийские истории. Спб, 1860.
12. Виноградов В.Б., Петренко В.Г. Материалы погребальных памятников Среднего Притеречья. О роли сарматов Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе, 1983.
13. Гадлов Ю.С. Сведения «Армянской географии» VII в. приписываемой Моисею Хоренскому//ЮСОНИИ, XXV. Орджоникидзе, 1966.
14. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. МГУ, 1979.
15. Епископа Феодора «Аланское послание», перев. Кулаковского. ЗООИД.
16. Каминский В.Н., Кондрашев А.В. Находки аланских курганных на Средней Кубани//Методические исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
17. Кереев Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, Т.2, 1985.
18. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
19. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
20. Ковалевская В.Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкессии//АО, 1975 года. М., 1976.
21. Константин Багрянородный. Об управлении государством. М., 1984.
22. Кузнецов А.В. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106. М., 1962.
23. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы этногенеза Осетии по данным средневековой археологии//Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза Осетии. Орджоникидзе, 1967.
24. Кузнецов В.А. Алания X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
25. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв.//СА, 2, 1973.
26. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
27. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ, 4. 1947.
28. Летопись византийского Феофана. Перев. Оболенского В.И. и Терновского Ф.Ч.//ЧОИДР, кн. 2. 1887.
29. Мамаев Х.М. Новые аланские могильники в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии//Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974.
30. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XIII вв. М., 1963.
31. Минаева Т.М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
32. Мизиев И.М. История рядом. Нальчик, 1990.
33. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР.
34. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перев. Кондратьева. Спб.-М., 1950.

35. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро венецианского дворянина//Библиотека иностранных писателей о России. Кн. 1, апд. 1, т. I. Спб., 1836.
36. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. Спб., 1911.
37. Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратовский университет, 1986.
38. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья. Л., 1952.
39. Чеченов И.М. Средневековые городища Кабардино-Балкарии//Труды ДСПЧПАЧ, археологическая серия. Тбилиси, 1971.

Зеленский Ю.В.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТМУТОРОКАНСКОГО КНЯЗЯ

Автор Слова о полку Игореве упоминает времена Олега Гориславича (1,с.33).Так он называл Олега Святославича чья судьба тесно переплелась с историей Тмутороканского княжества в середине — конце XI в. Олег был сыном черниговского князя Святослава Ярославича (в 1072 — 1078 гг. великого князя Киевского). Святослав был отважным воином. В 1068 г. половцы во главе с ханом Шаруканом совершили набег на Русь. Из — за несогласованности действий русских князей дружины Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода были разбиты на р.Альте. Половцы вторглись в пределы Черниговского княжества, но были разбиты Святославом имевшим всего три тысячи воинов против двенадцати тысяч половцев на р.Сновь (2).

Впервые «Повесть временных лет» упоминает Олега под 1076 г., когда он вместе со своим двоюродным братом Владимиром Всеволодовичем по поручению отца ходил с войском в Польшу и Чехию (3, с. 131). До этого он был наместником Святослава в Ростовской земле (4, с. 90). Ростов был престижной вотчиной и направление туда Олега свидетельствовало о его храбрости. В 1076 г. он уже княжит во Владимире Волынском. Казалось, его карьера была многообещающей, но в 1078 г. умирает Олег Святославич. Из Польши возвращается князь — изгнанник Изяслав Ярославич. Ему удается договориться с великим князем своим братом Всеволодом Святослав был объявлен узурпатором, а его дети — изгоями. Олег Святославич был лишен Владимирского стола и оказался в Чернигове. Здесь он поссорился с Всеволодом и бежал в Тмуторокань ставшую к тому времени прибежищем князей — изгоев. С этого времени Олег начинает враждовать с Всеволодом и его сыном Владимиром Мономахом.

Оказавшись в Тмуторокани Олег сразу же стал готовиться к борьбе за черниговский престол. Летом 1078 г. княживший в Тмуторокани Борис и Вячеславович и Олег вторглись в пределы Черниговского княжества. Вместе с дружинами Бориса и Олега на Русь двигались половцы. Летописцы (3) и историки(5, с. 109) единодушно считают, что Олег первый начал наводить половцев на Русь. На самом деле приоритет принадлежит Владимиру Мономаху, который в 1072 г. разорял с половцами пределы Полоцкого княжества (6). Скорее всего Олег встретил половцев в степях Восточного Приазовья в низовьях

рек Понура и Кирпили. Здесь археологами обнаружены половецкие погребения конца XI в. И вполне возможно, что серебряные чаши найденные в этих погребениях (7, с. 49), попали к половцам в качестве платы за военную помощь. В конце лета Олег и Борис с половцами подошли к Суле служившей границей между русскими землями и степью. Навстречу из Чернигова выступил Всеволод (3, с. 132). 25 августа в битве на р.Сожице (приток Сулы) Всеволод потерпел поражение и вынужден был отправиться в Киев на поклон к Изяславу. Тот проявил благородство и пришел на помощь Всеволоду. Тем временем, не желая ссориться с поддержавшими его черниговцами, Олег направил союзников — половцев грабить пределы Переяславского княжества. Это было его ошибкой. Дружины Олега и Бориса оказались лицом к лицу с ратями четырех князей: Изяслава, его сына Ярополка, Всеволода и Владимира Мономаха. Олег попытался пойти на переговоры, но Борис самоуверенно заявил о готовности сражаться в одиночку. 3 октября на Нежатиной Ниве под Черниговом состоялось сражение в котором дружины князей — изгоев были разбиты. В этой битве погиб Борис Вячеславович и великий князь Изяслав Ярославич. Смерть последнего представляется довольно странной. Он был убит неизвестным воином, который подъехал к нему и ударил копьем. Это очень похоже на устранение и в таком случае выигрывал от этой смерти Всеволод избавившийся от всех конкурентов. Олег бежал в Тмуторокань, но через год повторил свою попытку на этот раз поддержанный своим братом Романом. Роман с половцами дошел до границ Переславского княжества (до города Воиня). Но мятежные князья недооценили дипломатические способности Всеволода. Он сумел договориться с половцами (возможно среди пяти иностранных языков, которыми владел Всеволод был и половецкий) и они не только повернули назад, но и убили Романа (хотя это могли сделать и хазары сопровождавшие Романа в походе). Кстати, серебряные византийские чаши из половецких погребений Восточного Приазовья могли быть подарками Всеволода подкупившего половецкую знать. Олег в Тмуторокани был схвачен хазарами и выслан в Константинополь («А Олга емше козаре, поточиша и за море Цесарюграду») (3, с. 135). М.И. Артамонов (8, с. 443) и В.Т. Пашуто (9, с. 85) обвиняют в этом византийцев. Вполне вероятно, что недовольные активностью Олега правители империи действовали через своего верного союзника на Руси — Всеволода, который таким образом избавлялся от последнего соперника. После высылки Олега, в Тмуторокань Всеволодом был прислан посадник Ратибор. Тем временем Олег окруженный почетом жил сначала в Константинополе, а затем на острове Родос. Он вступил в брак с знатной византийкой Феофано из рода Музалон. Но ситуация резко изменилась. В марте 1081 г. в Константинополе произошел очередной государственный переворот. Император Никифор III Вотаниат был свергнут и к власти пришел первый правитель из династии Комнинов — Алексей. В 1083 г. Олег вместе с женой был отпущен на родину.

Олег высаживается в Тмуторокани и первое, что он сделал это перебил предавших его хазар и арестовал тмутороканских князей Давыда и Володора. А.В. Гадло считает, что Олега сопровождала византийская дружина или наемники из Константинополя (5, с. 113). Вполне возможно, что так и могло быть. В конце 1079 — начале 1080 гг. в Константинополе вспыхнул мятеж варяжско — русской наемной дружины. Он был быстро подавлен и мятежники были разосланы по провинциальным гарнизонам. Олег мог запросто набрать себе небольшой отряд. В то же время, вряд ли он смог справиться с хазарами

без поддержки тмутороканцев. М.И. Артамонов считает, что Олега поддерживала «туземная партия» куда входили касоги и возможно половцы (8). Оказавшись в Тмуторокани, Олег вновь стал готовиться к борьбе за власть. Отпустив на Русь Давыда и Володаря, он договорился с ними о совместных действиях против Всеволода. Володарь на Волыни выступил против Ярополка Изяславича бывшего союзником Всеволода, а Давыд захватил Олешье пункт через который шли то — вары из Киева в Константинополь.

Княжение Олега в Тмуторокани подготовило подъем в области ремесла и торговли. Олег возобновил (а по существу начал) чеканку собственной монеты. Монеты были из серебра на них была отчеканена надпись «Господи, помози» и крестное имя Олега — Михаил (10, с. 250 — 254). Задумывая чеканку монеты Олег не стал обращаться в Константинополь, чекан был изготовлен русским мастером (11). Укрепляя свою власть, Олег не переставал считать себя русским князем и чаще всего называл себя архонтом Руси (12, с. 24 — 30). В то же время автор Слова о полку Игореве называл Олега Святославича каганом (1). Олег стремился к самостоятельности и в церковной области главой епархии Матрахи или Зихии он поставил русского епископа Николая.

Весной 1093 г. умирает великий киевский князь Всеволод Ярославич. Его преемник Святополк Изяславич не послушав старшей дружины начал войну с половцами и потерпел поражение. Олег решил, что наступил удобный момент и в 1094 году вновь выступил из Тмуторокани наняв половцев. Тем временем к Святополку и Владимиру Мономаху прибыли половецкие ханы Итларь и Китан, но по инициативе русских князей были убиты. Сын Итларя находился у Олега, но на требования «выдать» Итларевича Олег ответил отказом. Олег Святославич с дружиной и половцами подошел к Чернигову где находился Владимир Мономах и после восьмидневной осады Владимир с немногими людьми покинул город и ушел в Переяславль.

С 1094 г. начинается последний период в жизни Олега Святославича. Он ведет упорную борьбу с Владимиром Мономахом закончившуюся его поражением. Олег потерял Чернигов и сохранил только Муром и часть Черниговской земли ставшей позже Новгород — Северским княжеством. В походах князей против половцев Олег старался не участвовать. После 1094 г. Тмуторкань не упоминается в летописи и становится «землей неизвестной». Город переходит под протекторат Византийской империи, а торговые пути между Русью и Тмутороканью были перерезаны половцами. Олег своей войной с Владимиром Мономахом положил начало междоусобной борьбе Мономашичей и Ольговичей, которая продолжалась весь XII век. В 1115 году Олег Святославич умер и был похоронен в Чернигове в соборе Спаса рядом со своим отцом.

Как и многим князьям, Олегу Святославичу не повезло. Сначала он был объявлен изгоем, а затем уже после смерти его называли зачинателем усобиц чего он ни в коей мере не заслужил. Он использовал половцев в междоусобных столкновениях так же как и другие русские князья при этом не разорял русских городов как это делали Владимир Мономах в Минске или Андрей Боголюбский и Рюрик Ростиславич в Киеве. Время княжения Олега Святославича в Тму — торокани (1083 — 1094 гг.) стало временем расцвета этого города.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
2. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X - XIII вв. СПб., 1994.
3. Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северокавказская экспедиция в 1979 - 1983 гг. // КСИА N 188 1986.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
5. Кропоткин В.В., Макарова Т.И. Находка монеты Олега - Михаила в Корчеве // СА. 1973. N 2.
6. Молчанов А.А. Тмутараканский чекан князя Олега - Михаила Святославича // СА. 1982. N 1.
7. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
8. Повесть временных лет. Ч.1/ Подготовка текста Д.С. Лихачева. Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц., М., - Л., 1950.
9. Слово о полку Игореве. Л., 1971.
10. Соловьев С.М. История России Т. 2 / Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М., 1988.
11. Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М., - Л., 1963.
12. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X - XV вв.: В 2 т. Т.1: Печати X - начала XIII вв. М., 1970.

Алиева С.И.

НАИБЫ ШАМИЛЯ НА КУБАНИ

С 40—х годов XIX в. начался новый этап в истории кубанских народов. Ему предшествовали, (и, соответственно обеспечили дальнейшее нарастание), события, в которых одна часть из них выступала уже самостоятельно в борьбе с насаждавшимся царским режимом, то есть самостийно, защищая собственные интересы, а другая часть мирно пыталась освоиться с новыми порядками.

Подобное противостояние обострилось начиная с 30—х годов, (особенно 1837 — 1839), XIX в. — с начала военных действий против закубанских горцев. Успехи карательных экспедиций закреплялись сооружением укреплений, объединенных в Черноморскую береговую линию. Строительство по Белореченской линии до верховьев Большой Лабы, заселение самой Лабы на реке Лабе обеспечивало установление границы с черкесами. С 1837 г. закубанские черкесы стали заключать между собой военные союзы по борьбе с русскими войсками. Политическая ситуация, усугубленная голодом, неурожаем, суровой зимой в Закубанье в 1840 г. вызвали ожесточенные наступления адыгов на Лазарерские, Головинское, Вельяминовское, Михайловское укрепления. В 1841 г. на народном собрании на Ишехе закубанские черкесы приняли постановление по улучшению религиозных и мирских дел. В тот же год российское правительство решило окончательно заселить Лабинскую Линию. Принявшие российское подданство карачаевцы контролировали подступы на Кубань с Кабарды, ногойцы и абазыны левобережья и правобережья Кубани, объединенные в приставство (ст. Невинномысская — главное приставство) несли пограничную и милицейскую службу на Старой и Новой

Линиях. Закубанские абреки совершали нападения на мирные селения бесленеевцев, кабардинцев, ногайцев, др. с целью привлечения их на свою сторону, либо из — за мести за участие кубанцев в экспедициях против черкесов совместно с казаками. Подобные способы воздействия были не безуспешны — ми.

Несмотря на меры, принятые генералом Зассом, не удалось пресечь бегство в горы «мирных» мыслбаев, тамовцев, бесленеевцев и других племен, которые большими партиями переправлялись через Лабу по направлению к Кубани (3, с. 23, 28; 10, с. 365, 472, 773). В 1842 г. была создана Лабинская кордонная линия. Между тем, в течении 1843 г. не прекращалась череда выступлений кубанцев. Так, в сентябре 1843 г. баракаевцы, кизилбековцы, тамовцы, убыхи, разные черкесские племена совместно нанесли удар на Подольский и Шолоховский посты. Производившиеся набеги на русские укрепления беглыми — кабардинцами и закубанскими абреками находили поддержку у скрывавших их карачаевцев (10, с. 567).

В то время как на Северо — Восточном Кавказе Шамиль поднял Большую и Малую Чечню — для поддержки черкесов в Закубанье был направлен наиб Шамиля Хаджи Магомет. Наибольшее влияние он оказал на шапсугов и бесленеевцев. Так, в частности, жившие на правом берегу Большой Лабы и по рекам Большому и Малому Тегеням, впадающим в Уруп, бесленеевцы в 1843 г. перешли за Лабу и поселились по р.Ходзь (в 1844г. после смерти старшего князя Айтека Канокова вернулись обратно). 17 мая 1844 г. во время собрания на Адагуме для разработки решительных действий на Кубани Хаджи — Магомет скончался (4, с. 19).

В следующем году другой наиб Сулеман — эфенди прибыл на Кубань. Но уже в 1846г. он примкнул к русским. Бесленеевцы, бжедуги, темиргоевцы, еге — рукаевцы, махашевцы, беглые кабардинцы, абадзехские общества: Туба, Темдаши, Дмангег — Хабль, Даур — Хабль покорились русским властям. В 1846 г. мирные черкесы, по распоряжению царской администрации, были выселены из аулов Адды и Гривенского на казачьи земли не ближе ста верст от Кубани: на так называемую Горькую балку близ Ясенского соленого озера в Ейский округ (4, с. 26; 10, с. 620 — 623).

Между тем, неизбежно нарастали, протекавшие в самих кубанских обществах, события по образованию новых социальных институтов. Еще в первой четверти XIX в. закубанские ногайцы и черкесы, признав авторитет анапских пашей, присягнули во всех своих делах (общественных) руководствоваться «Алькораном, оставив навсегда древние обычаи». Так, в 1846 г. беглые кабардинцы вслед за другими учредили мехксме — судебную организацию, состоящую из председателя и членов из почетных старшин и эфендиев. В том же году представители карачаевцев и дигорцев отправились в Петербург к царскому двору за разрешением разбирать свои внутренние дела по древним обычаям и шариату (4, с. 22; 10, с. 573 — 574).

Очередной виток нападений на русские посты (Сенгилеевку, др.) наступил в возвращении в 1847г. на Кубань из Мекки бесленеевца Канамата Тлякодуко, который еще и до этого призывал сородичей к восстанию и бегству за Лабу и Белую (5, с. 20,22).

Активно сопротивлялись царским войскам абадзехи. Их поддержали кизилбековцы, тамовцы, чигреи, др. На стороне независимых горцев выступали так же шкарауа, которые вместе с черкесами штурмовали укрепления

Ахметогорское (1, с. 26).

В 1848 г. Шамиль прислал в Закубанье третьего своего наиба — Шейха Магомет — Амина. Этот посланец призван был объединить адыгов и абазин для борьбы с Россией. Одними из первых его признали своим владыкой абадзехи. В феврале 1849г. Магомет — Амин, снабженный будто бы фирманом турецкого султана как главы суннитов, провозгласил равенство всех мусульман, издал ряд законов, организовал управление в народе, создал постоянное войско. В марте открыто от российского подданства отреклись кизилбековцы, чегреи и темовцы. В 1849г. под влиянием наиба за реку Белую ушли темиргоевцы, егерукаевцы, хатукеевцы, махоши, бесленеевцы, др., западноадыгские племена, а так же беглые кабардинцы с Урупа и Аксаута (подвластные Кайтукина, в частности) (1, с. 27; 4, с. 26; 5, с. 43; 11, с. 68).

Оставшаяся часть бесленеевцев в 1850 г. была переселена с Тегеней на Уруп. В этом году казаки развернули успешные боевые действия по усмирению горцев и кубанцев. Они овладели населенными пунктами кизилбековцев, напали на мысылбаев, кабардинцев и склонили их к принятию российского подданства и переселению с Урупа на берега Зеленчуков. Неудачной была атака русских войск на тамовцев в верховьях р.Большой Лабы, которых поддерживали чегреи. В низовьях р.Лабы в 1851г. расселились возвратившиеся некоторые группы хагукаевцев, темиргоевцев, подданных князя Каирбека (Карабек) Болотокова. На русскую сторону Кубани перешли так же адамиевцы (1854г. — уорк Шу — маф Декузов). В 1851г. ополчение независимых горцев способствовало бегству мысылбаев, кабардинцев из селений Сидова, Бабукова на Кубани в горы. Сражения с тамовцами, кизилбековцами и мысылбаевцами продолжались на протяжении марта 1851 — октября 1852 г. В итоге часть мысылбаев и кизилбековцев вновь обратилась в российское подданство и вернулась на право — бережье р.Лабы (1, с. 27; 5, с. 38 — 39; 10, с. 436)

С мая 1855г. под руководством Магомет — Амина возобновились военные действия на Новой Линии. Ополчение из абадзехов, башилтаевцев, убыхов двинулось на Лабу и выше аула Атажукина к карачаевцам. Движение среди карачаевцев было погашено царскими войсками. Магомет — Амин ушел за Кубань (10, с. 486).

В стратегических целях вокруг абазинских селений появлялись новые станции — Сторожевая, Исправная, Передовая, Удобная, Подгорная и Спокойная, составившие Мало — Лабинскую кордонную линию. В такой ситуации абадзехи, чегреи, тамовцы и кизилбековцы во главе с Магомет — Амином присягнули царскому правительству. В том же 1859 г. покорились бжедуги, а так же жившие между Лабой и Белой темиргоевцы, махоши, егерукаевцы, бесленеевцы, шахгиреевцы, а так же закубанские кабардинцы. Окончательно с сопротивлением шапсугов и абадзехов было покончено в 1863г. (11, с. 70 — 71).

Охватившая весь Северо — Кавказский регион Кавказская война привела к необратимым последствиям: переселению за границу несмирившихся, обнищанию масс, то есть к сокращению численного состава кавказских народов. Так, например, по документам 1838г. ногайский аул Карамурзинский насчитывал 321 двор, в каждом из которых проживало по семь человек. Таким образом, общее количество жителей было около 2 247 человек. Опираясь на информацию главного штаба войск на Кавказе А.Берге в 1858 г. отмечал, что карамурзинских ногайцев исчислялось 1955 человек.

В 1859г. правое крыло Кавказской Линии вместе с Черноморией вошло в

состав Кубанской Области. По плану 1860г. ускорилось заселение междуре — чья Белой и Лабы вплоть до восточного берега Черноморья казачьими, русскими, украинскими станицами (11, с. 76 — 77, 36).

В 1859 — 1862 гг. с кубанских мест в Турцию вынуждены были переселиться несмирившиеся с новым режимом убыхи, натухайцы, абадзехи, абазины, башилбаевцы, махоши (махошевцы), бжедуги, ногайцы, др. По документальным источникам тема мухаджирства рассмотрена в специальной работе С.А.Чекменева. Всего с 1859 г. по 1865 г. было переселено 426 292 человека из абазин, черкесов и ногайцев, в том числе ногайцев 39,6 тыс. По ведомости «О составе горского населения в ауле Карамурзинском Лабинского Отдела с указанием числа семейств и др.» (1868), в этом ногайском ауле ко времени переселения в Турцию проживало 1 791 человек (271 сем.). Из них в Турцию переселилось всего 455 человек (75 сем.), записалось на переселение, но осталось временно в России 14 человек. В докладе комиссии по делу переселения горцев в Турцию от 18 февраля 1865 г. подчеркивалось, что переселение «избавит от населения самого беспокойного и наименее расположенного к заселению берегов Кубани, чем ускорится окончательное покорение Кавказа» (ГАКК. Ф.799.Сп.1.Д.10.Л.16—об, 17; 9, с. 15). С этнической карты Кубани исчез аул Щелюкжеей, располагавшийся недалеко от нынешнего Маламино, откуда в Турцию выселились все жители: черкесы и ногайцы (7, с. 23). Массовое переселение карачаевцев (15 765 чел.) произошло в 1837, 1894, 1905 — 1906 гг. (3, с. 113 — 114). По сведениям В.А.Авксентьева, в целом из Кубанской области за период с 1858 по 1864 гг. переселилось 398 тысяч адыгов, абазин и ногайцев (2, с. 54, 66, 71, 80 — 81, 99). С сокращением числа местного населения 15 октября 1860г. были упразднены приставства. Кубанские общества в ходе общественного развития не создали институт государства. Попытки завоевать суверенитет оказались так же безуспешными. Решающим в оказании ими сопротивления России явилась специфическая роль наибов Шамиля, выступавших организаторами выступлений на Кубани. Их мероприятия носили организованный характер, отвечали чаяниям заинтересованных слоев кубанских народов. С прекращением их руководства любые действия местного туземного населения были значительно слабее и локальными. С окончанием Кавказской войны Российское государство стало тем инструментом общественной жизни и его прогресса, которое распространило на кубанские общества свои функции: охранительную, экономическую, социальную.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Абазины. Черкесск, 1989.
2. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. В 2-х частях. Ставрополе, 1996.
3. Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы. Счерты по истории станицы Лабинской и Лабинского Отдела Кубанской Области. Никосия, 1996.
4. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992.
5. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX в. Москва, 1974.
6. ГАКК. ф. 799. Оп.1. Д.10. Л. 16-об, 17.
7. Есть район над Кубанью. Невинномысск. 1994.
8. Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа// Труды. Вып. V (серия историческая). Ставропольское книжное издательство, 1966.

9. Чекменев С.А. Мухаджирство, переселение, выселение горцев в Северного Кавказа в Турцию // *Тарих*, 1994, 1.
10. Эсадзе С. *Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморским побережье. Майкоп: Меоты, 1993.*
-

Фролов Б.Е.

КИНЖАЛЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Кинжал — вид холодного оружия с коротким клинком колющего и режущего — рубящего действия, предназначенный для рукопашного боя. В России наи — большее распространение он получил в казачьих войсках. Уже к концу 20 — х гг. XIX в. полностью перешли на боевой комплекс адыгов (непременной частью которого был кинжал) линейные казаки Кубани. С 40 — х гг. XIX в. кинжалы начинают широко употребляться и в Черноморском казачьем войске, переименованном в 1860 г. в Кубанское.

Специальных исследований по заявленной теме не имеется. В ряде статей автор уже касался истории холодного оружия кубанских казаков (1). Однако, их объем позволил показать только главные этапы перевооружения. Целью настоящей работы является попытка выявить основные типы кинжалов, бытовавших среди кубанцев, источники их поступления в войско, роль, отводимая казаками этому оружию.

Черноморское войско было сформировано в начале русско — турецкой войны 1787 — 1791 гг., из бывших запорожских казаков и “вольных охотников” (в конечном итоге последние стали преобладать). Ни в годы войны, ни после переселения на Кубань кинжал не являлся оружием, обязательным для черноморского казака. “По штату” им полагалось — ружье, пистолет, пика (2, с. 550). Часть казаков получила “русские военные ножи” (2, с. 137). Автор затрудняется атрибутировать их, но маловероятно, что они относятся к группе кинжалов (казаки крепили эти ножи к древкам). После 1816 г. в разряд обязательного оружия вошла сабля. Такое положение дел сохранялось до 1840 г.

Тем не менее, по архивным документам можно установить, что кинжалы у черноморцев имелись, правда в количестве просто мизерном. Скажем, в со — бранных нами описях имущества 150 казаков, участников Персидского похода 1796 г., кинжал упоминается только один раз. Характеризуется он как “кинжал простой” (3, л. 272). У чиновной старшины встречались богатые парадные кинжалы. Среди вещей убитого в 1827 году командира 4 конного полка Я. Вербицкого значился персидский кинжал в серебряной оправе стоимостью 8 руб. (4, л. 13). В 1822 г. у подполковника Герка украли турецкий кинжал стоимостью 60 руб. с “железком белого мисеру, коего черенок полторы четверти белой рыбьей кости, оправленные серебром ножны с обеих сторон” (5, с. 104). Думается, что подобные дорогие кинжалы, имевшиеся у отдельных представи — телей черноморской старшины, были не столько оружием, сколько репрезен — тативной вещью, декоративным элементом дорогого праздничного костюма.

1 ноября 1840 г. были высочайше утверждены новые образцы обмунди — рования и вооружения для Черноморского войска. Кинжал в официальных документах определялся как “черкесский” (6). Офицерам он полагался в серебряной оправе, казакам лейб — гвардии, конных полков, конных и пеших батарей — с рукояткой белой кости и деревянными ножнами, обтянутыми

черной кожей с железным прибором. Рисунки и описание этого образца кинжала в литературе уже приводились (7). Отметим, что в описании утвержденных образцов, поступившем в Черноморское войско за подписью генерал — адъютанта Клейнмихеля, говорилось о белой рукоятки "слоновой кости" для кинжалов гвардейских казаков (8).

Сам образец кинжала доставил в Черноморию осенью 1841 г. дежурный офицер штаба отдельного Кавказского корпуса (9, л. 1). К слову сказать, остальные образцы оружия вообще не поступили в войско и их пришлось заказывать в 1843 г. на Тульском оружейном заводе. Согласно п. 246 Положения о Черноморском казачьем войске 1842 г., в г. Екатеринодаре надлежало учредить войсковой магазин для скорейшего обмундирования и вооружения казаков. На вызов Войскового дежурства явились "войска Донского казак торгового общества". А. Леонов и нахичеванский 3-й гильдии купеческий сын Павел Султан — шах, с которыми был заключен контракт на открытие указанного магазина с 1 июня 1843 г. по 1 июня 1846 г. В отношении холодного оружия в контракте говорилось следующее: "клинки шашек и кинжалов должны быть отделаны чисто и из того железа, какое употребляется на оружие в легкой регулярной кавалерии" (10, л. 5). Кинжал "по образцу" с рукояткой из белой кости, ножами черной глянцевой кожи с железным прибором стоил в этом магазине 9 руб. (10, л. 8). Пояс для конницы из черной глянцевой кожи с железным прибором, портупейными ремнями и ремешком для кинжала стоил 1 руб. 40 коп.; пояс из красной юфты с медным прибором для артиллеристов — 1 руб. 35 коп.

Как обычно, переход на новые образцы оружия и обмундирования породил в Черноморском войске немало трудностей. Наказному атаману пришлось даже взять с офицеров письменные обязательства о том, что они "справят" себе образцовые вещи. Командиры полков просили войсковое руководство оказать материальную помощь урядникам и казакам, но в этом было отказано. Тем не менее, перевооружение начала 40-х гг. прошло довольно быстро и успешно (по меркам иррегулярных войск). К 1 ноября 1843 г. в конных полках насчитывалось кинжалов: 117 в 1-м (из 741 чел. списочного состава), 64 во 2-м (из 711), 293 в 3-м (из 717), 610 в 5-м (из 712), 54 в 6-м (из 728) (11, л. 8). К концу 1843 г. в Гарнизонной артиллерийской роте (570 нижних чинов) не имело кинжалов 50 казаков первой очереди и 80 казаков второй (12, л. 3). Несомненно, успеху экипировки во многом способствовал войсковой магазин. По условиям контракта не воспрешались закупки и у других лиц. Так командир 4 конного полка заключил договор на поставку образцовых вещей с нахичеванским купцом А. Красильниковым (13, л. 14).

29 июня 1847 г. император повелел "принять к руководству вместо двух один образец кинжала для урядников и казаков конных и артиллерийских" (14, л. 1). Судя по заголовку, до этого года для нижних чинов Черноморского войска существовало два образца кинжала. Автор не располагает точными данными о различиях между ними. Поскольку сведения о кинжале образца 1847 г. еще нигде не приводились, дадим его краткое описание (рис. 1).

Клинок прямой, обоюдоострый, ромбического сечения с уплотненной плоской частью в верхней части. Длина клинка 12, 25 дм., ширина 1, 725 дм., толщина у рукоятки 0, 2 дм.

— 0, 25 дм. Рукоять из моржовой кости, в средней части узкая, с расширениями прямоугольной формы вверху и внизу (несколько напоминает римскую

единицу). Основание рукояти по ширине соответствовало клинку, высота 0, 45 дм. (до уступов). Средняя часть рукояти, постепенно сужаясь от 0, 85 дм. , до 0, 75 дм. , переходила затем уступами в головку высотой 1, 7 дм. Головка также несколько сужалась вверх (от 1, 5 дм. до 1, 45 дм). Верхняя площадка головки оформлена волнообразно, с плавным выступом в средней части. Сама площадка скошена к задней стороне за счёт радиуса в 2, 5 дм. Головка и основание рукояти заовалены к краям. Рукоять слегка загнута к внутренней стороне, общая её длина 4, 85 дм.

Ножны деревянные, обтянуты кожей. Прибор состоит из устья со скобой и кольцом для ремешка, наконечника, оканчивающегося двумя ободками и ша — риком. Устье и наконечник на обратной стороне (которая значительно короче лицевой) крепились к ножнам железной скобой. Прочность клинка испытывали рубкой по мягкому железу. Упругость проверяли следующим образом: острие закреплялось в специальном хомутике, а средняя часть клинка упиралась в пирамидку высотой 0, 5 дм. При нажатии рукояти до плоскости клинок не должен был дать остаточного прогиба (в коллекции КГИАМЗ имеется кинжал подобного образца с рукояткой из слоновой кости, КМ — 933).

Наряду с официально утвержденным кинжалом уже в самом скором времени казаки, да и само войско, начинают приобретать кинжалы или произвольного типа, или образца, разработанного в войске. Основные источники поступления кинжалов: "вольная" продажа, заказы у азиатских мастеров и других частных лиц, подряды на государственных заводах. В 1860 г. Кавказское линейное и Черноморское казачьи войска заключили контракт с ганноверским подданным Г. Таннером на поставку 6 тыс. кинжалов (15). Вот их описание: "...лучшей солингеновской стали, с чёрною роговою ручкою, в ножнах оклеенных кожей и гайкою, с двумя пуговицами сверху и наконечником в два вершка из металла называемого нейзильбер, посеребрённого через огонь с украшением резанным во вкусе азиатском" (15, л. 237). Из другого документа можно заключить, что к кинжалу полагался и ножик.

В конце 1860г. Таннер доставил в Тамань 3900 кинжалов. Их осмотрел войсковой старшина Ходкевич и доложил начальнику штаба Кубанского войска: "Кинжалы — сталь также хороша, но они узки, коротки и ножны как будто сделаны не по этим кинжалам — с обеих сторон на две линии шире..." (15, л. 143). Сравнить кинжалы с образцом Ходкевич не смог, за отсутствием такого.

В конце концов приёмная комиссия кинжалы забраковала. На клинках не имелось клейма качества прусского правительства, ножны выполнили шире и тоньше ручки, пуговицы на рукояти не были посеребрены, орнамент наконечника оказался штампованным, а не резным. В ответ на просьбы Таннера принять кинжалы, из черноморских станиц собрали стариков, которые признали их удобными для употребления в переделанном виде (16. Л. 365). К сожалению, где проходила переделка, в чём она заключалась и как выглядели кинжалы после неё установить не удалось. В 1862г. Таннер доставил кубанцам ещё 2100 кинжалов (17, л. 100). В начале 70 — х гг. их продавали по 2 руб. , а затем и по 50 коп. В начале 1873г. в арсенале войска оставалось ещё 1424 таннеровских кинжала(18, л. 9).

В 1861г. у тифлисского мастера Соломона Кагарова были заказаны кинжалы для нижних чинов императорского конвоя. Выглядели они так: "Рукоятки двойные костяные: лицевая сторона из белой мамонтовой кости, нижняя — из чёрной буйволоной. Гайки и гвозди на рукоятках железные с серебряною

насечкою. Ножны деревянные, обтянутые черным хозом. Наконечник у ножен железный круглый без всякой насечки. Исподняя сторона ножен подложена красным сафьяном. На сафьяне прорезано отверстие для малого ножа и край этого отверстия обложен мишурною тесьмою". (19, л. 13). Казаки, находившиеся в это время на службе в конвое, приобрели кинжалы черкесского вида у петербургских мастеров. В 1865 году Кубанскому войску предложили принять 1063 кинжала, изготовленных в Златоусте для Азовского казачьего войска по образцу таннеровских. Кубанцы долго отказывались, ссылаясь на низкое качество предлагаемой им продукции. Обиженные оружейники провели сравнительные испытания своих кинжалов с образцовыми. Златоустовские оказались в отделке более чистыми, все выдержали пробу гибом в станке, а при рубке оставили на немецких клинках глубокие зазубрины. "При рубке железной полосы толщиной 6 точек и шириной 1 дм. , получались на полосе зазубрины глубиною 2 линии, на клинках же отпечатлений не оставалось" (20, л. 49). В 1867 году Кубанское войско все-таки приобрело эти кинжалы. На них имелось клеймо: Златоуст 1865г. Первоначально часть кинжалов выдали казакам Кавказской учебной роты.

Прошло всего несколько лет после окончания Кавказской войны, и войсковое начальство констатировало, что казаки являются на службу с холодным оружием негодным в боевом отношении (21, л. 7). В вольной продаже оружия было очень мало, качество его оставляло желать лучшего, да и казаки старались купить что подешевле (такое положение дел ни для кого не являлось новостью: еще в середине XIX в. Главный штаб подготовил для императора доклад, в котором утверждалось, что казачьи войска в состоянии поддерживать определенный уровень боеспособности, только находясь в состоянии непрерывного соприкосновения с противником). Стремясь исправить положение Войсковой штаб попытался заказать в 1869 г. кинжалы на Тульском и Ижевском оружейных заводах. Туляки заказ не приняли, а ижевские образцы кубанцы признали для себя неудобными.

Тогда 1000 клинков заказали вольным мастерам Казикумухского округа. В 1871г. их изготовили и доставили в Екатеринодар. В 1872г. распродала казакам по 3 руб. 15 коп. за штуку (22, л. 3). По всей видимости, клинки эти были традиционно дагестанского типа; именно в 70–80-е гг. они широко распространились на Кубани. Подобные клинки вполне попадали под описание кинжала, высочайше утвержденного 14 декабря 1871 г. : "азиатский, с произвольною отделкою" (23). Под такую расплывчатую формулировку легко подходили многие кинжалы, не исключая и образец 1840/1847 гг.

В 70–е гг. XIX в. Кубанскую область буквально наводнило оружие польского изготовления. В большом количестве его привозили домой и продавали казаки Кубанского дивизиона, расположенного в Варшаве. Все эти, так называемые "Варшавские изделия", имели красивый внешний вид, но были абсолютно непригодны в боевом отношении. Вот заключение одной из комиссий: " Кинжалы в последнее время распространённые из варшавских изделий, имеют клинок по весу весьма лёгкий, узкий, тонкий и слишком остроконечный, закалки сухой, отчего при малейшем ударе о твёрдое тело ломается, не исключая и ручки отделанной в металл, хотя на вид довольно красивый во фронт. . . " (24 1. 26).

Испытывая крайнюю нужду в хорошем оружии, кубанцы в 1876 г. сделали заказ 3000 кинжалов Златоустовской оружейной фабрике (22). Для выработки

образца в войске создали особую комиссию под председательством атамана Екатеринодарского отдела генерал – майора Перепеловского. Комиссия признала холодное оружие казаков плохим по форме и качеству и разработала образцы шашечного и кинжального клинков. Полные характеристики клинка кинжального в документах не приводятся. Его спроектировали "среднего размера", весом примерно 430 гр. , шириной у рукояти 45 мм. По краям рукояти находились выступы и щечки вкладывались как бы в гнездо. Комиссия нашла необходимым обусловить, чтобы на клинках кинжалов и шашек был наложен штамп из букв К. К. В. , означающих "Кубанского казачьего войска" (24, л. 27).

В Златоусте рассмотрели присланные образцы (сделали их в войсковой мастерской) и признали, что выступы по краям только усложняют производство, делают его дороже, прочность же рукояти не пострадает от пригонки щечек на плоскую поверхность. Кубанцы согласились с этими доводами и разрешили изготавливать рукоять плоской.

Осенью 1877г. кинжалы доставили в Екатеринодар, 1300 из них имели рукояти роговые, а 1700 — рябиновые (из — за нехватки рогов буйвола большого размера). Цена с доставкой соответственно 3 руб. 17 коп. и 2 руб. 92 коп. Комиссия по приемке оружия признала клинки и деревянные рукояти вполне хорошими. Роговые рукояти оказались тонкими и подгоняемые к ним ножны получались ломкими. Кожа после обтяжки ножен, возвышалась над рукоятью.

Тогда же, в ноябре 1877 г. , штаб Кубанского войска сделал новый заказ на 3000 клинков с черными роговыми рукоятями. Завод заказ принял, но сообщил о поднятии цен на рог с 12 до 50 коп. за штуку. Оружие выходило очень дорогим, и казакам пришлось вновь согласиться на рукояти из дерева. Кинжалы изготовили в 1879 г. по цене 2 руб. 5 коп. (24, л. 11).

Поставка 6000 кинжалов в 1877 и 1879 гг. в какой — то степени смягчила проблему качества казачьего оружия, но полностью ее не сняла. Офицер, "ос — матривающий оружие в Кубанском войске", в рапорте от 22 мая 1882 г. сообщал штабу: "доношу, что из числа осмотренного мною холодного оружия, только златоустовские и таннеровские клинки действительно годны как боевое оружие. . . " (24, л. 32). В 1 — м Пластунском батальоне негодных кинжалов оказалось 223 (из 560 человек), во 2 — м Пластунском — 373(564). 22 февраля 1880 г. наказной атаман был вынужден издать приказ о "непременном вооружении" казаков шашками и кинжалами Златоуста (25, с. 162). Он не исполнялся по разным причинам. Одна из них — нехватка клинков казенного изготовления.

В 1882 г. Кубанское войско планировало сделать в Златоусте новый заказ оружия. Так как образец кинжала 1876 г. оказался несколько тяжелым, то особая комиссия разработала новый (24, л. 19). Общая длина — 21 дм. , длина клинка — 15 дм. Ширина у рукояти 1, 580 дм. , на расстоянии 7, 5 дм. от рукояти — 1, 480 дм. , на расстоянии 11, 25 дм. от рукояти — 1, 200 дм. Учитывая, что в казачьих войсках малый рост не служил препятствием к отбытию воинской повинности, предполагалось изготовить 12% кинжалов на 1 дюйм короче. В образце 1882 г. размер литер К. К. В. устанавливался в 3 лин. Рукояти допускались роговые и деревянные.

Заказ кинжалов в 1882 г. сорвался, его повторили в 1885 г. Длительное время шла переписка по уточнению деталей, ибо в войске не нашлось мастеров, чтобы изготовить образец и в Златоуст отослали не очень понятное описание. В феврале 1886 г. из Златоуста выслали два образцовых кинжала: один, вы —

полненный по чертежам кубанцев, второй — Терского казачьего войска. Последний Кубанское войско признало вполне для себя подходящим и заказало 3000 кинжалов с чёрными деревянными рукоятями (26, л. 26). На оружейной фабрике их изготовили в 1887г.

В Краснодарском историческом музее хранятся два кинжала этого типа, датированные 1889 и 1891 г. (КМ—947, КМ—4713/2). Аббревиатура “ККВ” заключена в фестончатые картуши с килевидной верхней и нижней частью. На базе этого типа кинжала разрабатывался впоследствии новый образец, утвержденный в 1904 г. История создания, испытания и высочайшего одобрения этого образца подробно описана автором в отдельной работе (см. 27).

Процесс этот растянулся на долгие 10 лет. В это время приказом Военного ведомства (1900 г. №7) казакам Кавказских войск разрешили иметь на вооружении кинжалы местного производства, с условием их соответствия образцу, утвержденному атаманом.

В этом же году приказом по Кубанскому войску № 117 атаман Я. Д. Малама утвердил образец кинжального клинка (28, с. 26). Все эти годы отдельные казачьи части, игнорируя приказы атамана, продолжали заказывать кинжалы у частных мастеров. В 1884 г. 1-й Урупский полк заказал 700 кинжалов “известному азиатскому мастеру Базалаю” (29, л. 73). В 1901 г. станицам Кавказского полкового округа вооружение поставлял житель Казикумухского округа Магомет Али Оглы — Алимов (30, л. 23). В этом же году в Екатеринодаре продавались клинки владикавказского мастера Г. Гузунова (30, л. 70).

Изготовлением оправы на оружие занимались, в основном, также кавказские мастера. Так, в Лабинском отделе с 1893 по 1896 гг. работала целая группа казикумухских и кубачинских мастеров (31). Причём для каждого полка они изготавливали отдельный рисунок. Отделкой оружия занималась и Войсковая мастерская. В конце 90 — х гг. XIX в. кинжал с золотым под чернью прибором и азиатским клинком стоил 5 руб. 25 коп., со златоустовским клинком — 6 руб. 25 коп. Кинжалы с набором жёлтой меди под чернью соответственно 4 руб. 55 коп. и 5 руб. 55 коп. (32). Кинжал с набором из белого металла под чернью с азиатским клинком стоили от 4 руб. 20 коп. до 7 руб., со златоустовским клинком от 5 руб. 20 коп. до 8 руб. (33, л. 115).

24 апреля 1901 г. император повелел: “казаков Кубанского и Терского казачьих войск не неволить иметь оружие казённого образца и, не стесняясь однообразностью его, разрешить казакам выходить на службу с доставшимися им от отцов и дедов шашками и кинжалами, лишь бы оружие это было годно в боевом отношении (34). Тем не менее, в 1904 г. высочайше утверждается образец кинжала для Кавказских казачьих войск. К началу 1 — й мировой войны большая часть казаков первоочередных частей была вооружена именно этими кинжалами. У льготных и запасных казаков имелось ещё значительное число произвольных образцов.

В заключение несколько слов о роли и значении кинжала в Кубанском войске, о месте, отводимом ему среди прочих видов оружия. Черноморские казаки, в отличие от линейных, никогда не отличались особой любовью и пристрастием к холодному клинковому оружию. Многолетние попытки привить им навыки владения шашкой и, буквально заставить употреблять их в деле с неприятелем окончились безуспешно. В конце 50 — х гг. на вооружение черноморцев ввели чуть ранее отмененные пики, — оружие, давно признанное малоприспособным и обременительным в боях с горцами. Но если такое положение

дел с шашкой легко доказывается многочисленными документами, то о кинжале трудно найти хоть какое — то упоминание.

Без сомнения, это оружие второстепенное и его боевое применение, в основном ограничивается редкими рукопашными схватками в ограниченном, замкнутом пространстве. Документы начала 50-х гг. свидетельствуют, что, отправляясь в пограничные наряды, казаки брали только ружья и пики (35). Но пика, даже короткая, не самое удобное оружие в рукопашном бою. И. Д. Попко писал, что в бою казаков перемешивали с солдатами, так как солдат стоял за односума штыком, потому — что штык — молодец оказывался в схватке проворнее и сильнее старичка — подсоха (36, с. 116).

Но с пикой казак расстаться не мог, ибо оказался бы совсем безоружным в рукопашном бою. Вероятно, поэтому в 1851 г. последовало распоряжение из — готовить "кинжальные ружья" со штыком в виде кинжала установленного образца (35, л. 1). Ружья эти испытывались в Черномории и были признаны Войсковым дежурством весьма полезными, "ибо горцы, бросаясь на казаков с шашками, встречают ряд страшных для них и непреодолимых штыков (35, л. 223). Атаман Я.Г. Кухаренко по ряду причин не счёл нужным ввести в войске эти ружья.

После окончания Кавказской войны кинжал почти совсем утратил значение боевого оружия. Комиссия, проектировавшая образец 1876 г., уже рассматривала кинжал и как шанцевый инструмент, которым можно нарубить хворост для фашин, сделать изгородь, наколоть дров. . . Русско — турецкая война 1877 — 78 гг. показала, что казаки имели дело с

кавалерией противника, "единственно огнем, находясь на лошадях..." (37). От пехоты вообще пришлось отстреливаться из окопов. Практически все участники войны высказались за приспособление кинжалов к винтовкам, чтобы можно было отбиться при необходимости от пехоты (37, 38).

С ещё большей остротой это подтвердила русско — японская война 1904 — 1905 гг. Лучше всех общее мнение выразил командир 1 — го Уманского полка: "Опыт войны показал необходимость иметь для конных частей штык, на позициях все единогласны, что кинжал должен примыкаться к винтовке по образцу штыка — тесака" (39, л. 36). Для обсуждения недостатков, обнаруженных войной, в Кубанском войске 25 октября 1906 г. создаётся специальная комиссия. После долгих дебатов она решила кинжал всё — таки оставить, но сделать его толще и шире для удобства рубки хвороста, кольев и копания земли.

Такое решение стало завершающим этапом длительной эволюции кинжала из разряда второстепенного оружия в разряд ненужного, в шанцевый инструмент. Но это была полумера, уступка старому, отжившему. Намеченный гибрид не родился. Кинжал же не умер, так как он уже стал неотъемлемой частью казачьего костюма, в котором утрата одной какой — то детали разрушила бы ансамбль, складывавшийся десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Фролов Б. Е. Оружие черноморских казаков 1-й половины XIX в. // *Новейшие исследования по истории Кубани*. Краснодар, 1992 г. Он же. *Холодное клинковое оружие кубанских казаков* // *Из дореволюционного прошлого кубанского казачества*. Краснодар, 1993, Он же. *Об адыгском влиянии на оружие черноморских казаков! Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края*. Краснодар. 1995 г.

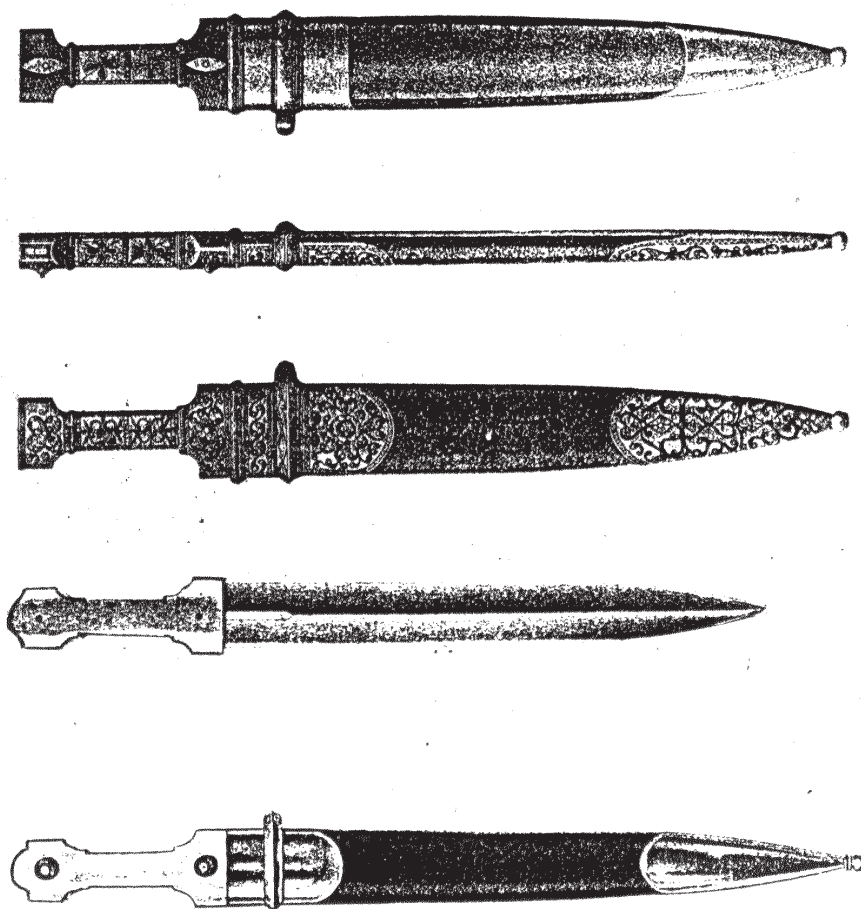

Рис. 1 к статье Фролов Б.Е. «КИНЖАЛЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ»
Кинжалы для офицеров и нижних чинов Черноморского казачьего войска образца 1840 г.

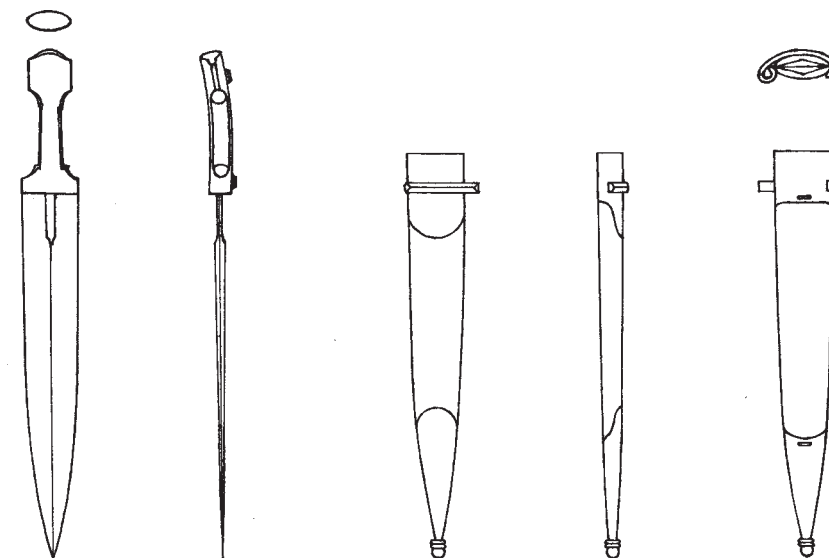

Рис. 2 к статье Фролов Б.Е. «КИНЖАЛЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ»
Кинжал для нижних чинов Черноморского казачьего войска образца 1847г.

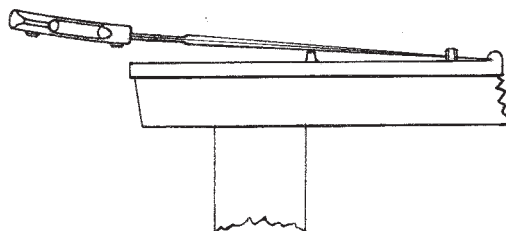

Рис. 3 к статье Фролов Б.Е. «КИНЖАЛЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ»
Станок для испытаний качества кинжалов

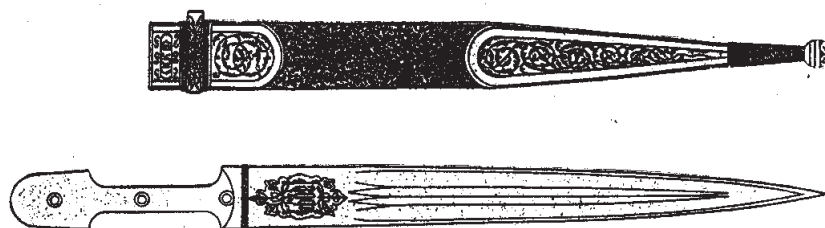

Рис. 4 к статье Фролов Б.Е. «КИНЖАЛЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ»
Кинжал образца 1904 г. (по чертежам К.П.Гаденко)

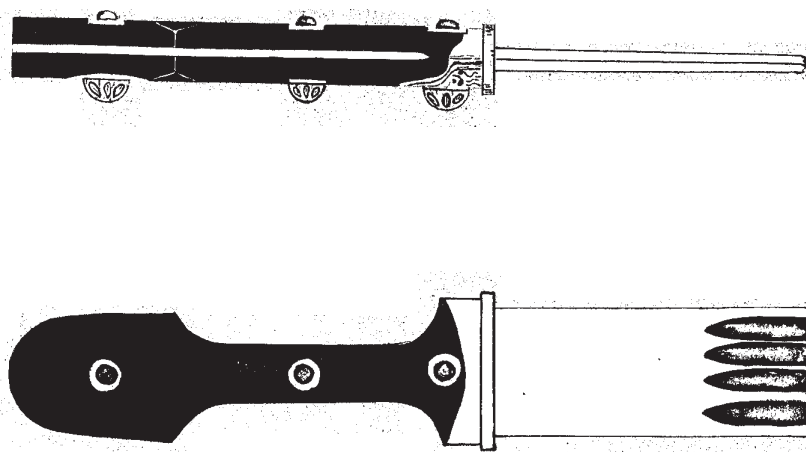

Рис. 5 к статье Фролов Б.Е. «КИНЖАЛЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ»
Конжал образца 1904 г. (по чертежам, хранящимся в ГАКК)

2. Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска Т. 3 СПб, 1895.
3. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края) Ф. 249, оп. 1 д. 336, т. П.
4. ГАКК Ф. 249, оп. 1, д. 5а
5. ГАКК Ф. 249, оп. 1, д. 832
6. ПСЗ. Собр. 2. Т. 16, СПб, 1842, ст. 14241
7. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. ТХХУ, Новосибирск, 1944, Федоров В. Г. Холодное оружие. СПб. 1905. Кулинский А. Н. Холодное оружие русской армии и флота, Л. 1988.
8. ГАКК. Ф. 312, оп. 1, д. 309
9. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 188
10. ГАКК. Ф. 315, оп. 1, д. 13
11. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. 265
12. ГАКК. Ф. 314, оп. 1, д. 71
13. ГАКК. Ф. 296, оп. 1, д. 240
14. ГАКК. Ф. 318, оп. 1, д. 465
15. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, д. II 74
16. ГАКК. Ф. 254, оп. 2, д. 314
17. ГАКК. Ф. 254, оп. 2, д. 114
18. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 793
19. ГАКК. Ф. 318, оп. 2, д. 596
20. ГАКК. Ф. 318, оп. 2, д. 850
21. ГАКК. Ф. 396, 011. 1, д. 1639
22. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 1955
23. ПСЗ. Собр. 2. Т. 49 СПб. , 1874, ст. 50303а
24. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 3878
25. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 4157
26. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 4766
27. Фролов Б. Е. К вопросу о разработке образца шашки и кинжала для Кавказских казачьих войск//Древности Кубани и Черноморья, Краснодар, 1993.
28. Гаденко К. П. Описание формы обмундирования и снаряжения казаков Кубанского и Терского казачьих войск. Уманская, 1913
29. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 4371
30. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 11556
31. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 6963
32. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 7153
33. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 7450
34. ПСЗ. Собр. 2 т. 21 СПб. 1903, ст. 19997
35. ГАКК. Ф. 254, оп. 1, а. 781
36. Военный сборник. СПб, 1860, 11
37. ГАКК. Ф. 406, оп. 1, д. 9
38. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, д. 3137
39. ГАКК. Ф. 396, оп. 1, 9226

Бондарь В.В.

КОМПЛЕКСНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОРОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Так явственно, из глубины веков.
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движение.
А. Блок, «На небе зарево»

По прогнозам социологов, в начале третьего тысячелетия каждый второй человек на планете будет жить в городе, в период 1990 – 2020 гг. при увеличении численности населения земного шара с 5,2 до 7,8 млрд. человек, то есть на 50%, население городов численно возрастет с 2,2 до 4,5 млрд. — более, чем на 100% (1).

Интенсивный, лавинообразный рост городов — глобальная, опасная, но не — неизбежная современная тенденция их развития. Города, давшие миру такие жизненно важные понятия и формы государственно — общественной практики, как городская жизнь, цивилизация, политика и демократия, общинная солидарность и социальные связи, стремительно превращаются в громоздкие агломерации, порождающие беспорядок, хаос, насилие и загрязнение окружающей среды. Вместе с изменениями городских структур приходит и новый образ жизни, устанавливаются новые связи между архитектурным и культурным пространством: здания приобретают всё большую автономность от внешних общественных пространств, меняется функциональное назначение улиц, превращающихся лишь в места быстрого и мобильного передвижения, в пространства, которые можно поделить, продать или использовать в экономических целях.

Проблемы современной стадии мирового процесса урбанизации про — являются и в России, приобретая здесь особую остроту и специфичность, особенно с начала 90 — х годов. Так, при повышенной потребности страны в крупных центрах (обусловленной размерами территории), обеспечивающих территориально — хозяйственную интеграцию и эффективное взаимодействие районов в пределах российского экономического пространства, основная масса городов относятся к категориям малых и средних (2).

Новые экономические условия вынуждают средние города укрупняться, принимать на себя функции центров и переходить в разряд больших, что вступает в противоречие с заметным снижением (с 1989 г.) темпов роста населения страны (в том числе и городских жителей, составляющих 74%). К этим сложностям добавляются неравномерная плотность населения, стремительность и географическая неравномерность миграционных процессов и крайне тяжелая экологическая ситуация (экологические условия 369 российских городов, а это 35%, характеризуются как напряженные и критические) (3).

Новая реальность жизни городов требует новых подходов к регулированию и планированию развития городской среды, к решению проблем сохранения

их историко — культурного облика. Очевидно, что необходимо создание комплексных программ развития для каждого отдельного города, которые явились бы результатом совместной работы ученых и практиков различных областей знания и сфер деятельности.

Отправной точкой в таких комплексных программах должна стать фиксация исторически сложившегося культурно — хозяйственного облика города, определяющего его социо — культурный и экономический потенциал, а исходя из представлений об этом потенциале (научно обоснованных) должны определяться конкретные направления развития города. В отличие от Западной Европы, где подобные программы — не редкость (в их создании и реализации заинтересованы не только муниципальные и государственные власти, но и международные организации, например, ЮНЕСКО), для российских городов это дело неизведанное, и начинать его нужно с создания строгой методологической базы, используя новейшие достижения в научном изучении городов.

Город как объект научного исследования привлекал и привлекает внимание отечественных ученых самых разных специальностей — историков, социологов, географов, экономистов, представителей естественных наук, но если комплексные экономико — географические и экологические направления в изучении городов достаточно широко распространены (что вызвано прежде всего практическими потребностями), то отечественная историческая урбанистика находится в зачаточном состоянии, не имея оформившейся методологической базы и понятийно — терминологического аппарата (за небольшими исключениями, до сих пор исследования города, как и деревни, были лишь составной частью исследований по социально — экономической, политической и культурной истории страны, не имея самостоятельного значения).

Настоящая статья представляет собой попытку изложения концепции комплексного исторического исследования российского города, сложившейся в представлении автора в процессе изучения истории Екатеринодара — Краснодара. Сразу оговорюсь, что город исследовался на междисциплинарном уровне, т.е. помимо социально — политической, экономической и культурной биографии поселения, предметами исследования были его природно — климатические условия (в процессе территориального роста), этнический состав, архитектура, градостроительная среда, топонимия, геральдика и т.д.

Отчасти задачи комплексного исторического изучения городов и некоторые методы решения этих задач были намечены «историческим градоведением», развивавшемся в русле краеведческого движения (на базе академической науки) 20 — х годов нынешнего столетия. Огромная заслуга в становлении краеведения вообще, и «градоведения» — в частности принадлежит профессору И.М. Гревсу (4), «заложившему — по словам академика Д.С. Лихачева, — основы городского краеведения» (5). Он — автор целого ряда трудов, посвященных созданному им же «экскурсионному методу» обучения истории, который, по существу, может быть причислен и к методам изучения того, что сам Гревс называл «образом города» или, более эмоционально, «душой города» (6).

Основатель отечественного «градоведения» так определял значение городов в истории человечества: «Города — это и лаборатории и приемники, хранители культуры и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов... Город — центр,

в одно время, культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города — прекраснейший путеводитель её хода и судеб» (7).

Понимая город как «цельный социальный и духовный организм» который должно познавать в его индивидуальном развитии — от рождения через весь его рост до современного состояния», И.М. Гревс намечал и конкретные пути его изучения: «Привлекать к делу требуется все стороны и явления, какие могут выяснить происхождение и развитие города: как природу, среди которой он возник, и почву, на которой он развертывался, так и памятники, в которых он воплотился, так и совершавшиеся внутри его труд и деятельность его жителей и их плоды, вещественные и духовные. Надо изучать естественный ландшафт, внутри которого рос город, его план (топографию), монументальную физиономию, всё содержание его жизни, динамически, эпоха за эпохой по всем указанным линиям, стремясь к конечному синтезу, т.е. к построению образа города как результата всего его прошлого развития» (8). Развивая мысль И.М. Гревса, можно сказать, что «экскурсионный метод» основывается на том, что город, как сконцентрированное общественное пространство, представляет собой самостоятельный объёмный многофункциональный источник информации о себе самом, т.е. о своей истории и современности. В процессе экскурсий — исследований историк входит в непосредственный зрительный, эмоциональный контакт с объектом изучения, постигая его историческую и культурную сущность вплоть до мельчайших подробностей и едва уловимых оттенков.

Начинать экскурсионное исследование города И.М. Гревс рекомендует со взглядов на город из нескольких точек с высоты «птичьего полёта», что даёт представление о его «вписанности» в природный ландшафт и его рельефе (естественном и архитектурном), о типе планировки и градостроительной композиции, о силуэтности отдельных его частей, о процессе территориального роста, разрастания коммуникаций и т.д. По словам продолжателя дела И.М. Гревса, профессора Н.П. Анциферова, «пристальный — анализирующий и синтезирующий — взгляд с птичьего полета дает самое главное: город ощущается как «нечеловеческое существо», с которым устанавливается поверхностное знакомство, и... полагается начало усвоению его индивидуальности» (9). Далее посредством отдельных целенаправленных экскурсий исследуется в динамике все содержание городской среды: площади, улицы, дворы, здания, дороги, парки, скверы, рынки, кладбища, коммуникации, культурные объекты, промышленные и торговые предприятия, городская этнография, топонимия и т.д. Постепенно из отдельных черт, ярких красок и едва уловимых тонов будет складываться картина жизни города, его исторический и культурный портрет.

Ни в коем случае «экскурсионный метод» изучения города не отрицает использования общепринятых методов анализа исторической действительности, не ограничивает круг источников самим городом. Напротив, именно сочетание нескольких (необходимых) методов исследования и использование всего спектра доступных источников, накладываясь на «экскурсионный метод», способны дать наивысший результат.

Вполне закономерен вопрос о научности «экскурсионного метода»: не является ли его использование подменой строгого научного анализа исключи — тельно эмоциональным восприятием «образа» города? Отвечу так: «экскурсионный метод» изучения города — это строгий, «сухой» научный анализ в сочетании с «вживанием» исследователя в объект исследования, т.е. в образ

города. Как драматический актер «вживается в свою роль (школа К.С. Станиславского) или ученый – этнограф – в быт изучаемого народа, так и историк – урбанист изучает город посредством экскурсий, постепенно «погружается» в его историю и современный быт, познает его «лицо».

Охарактеризовав в общих чертах «экскурсионный метод» (до сих пор практически не применявшийся в исторических исследованиях), обозначу свою точку зрения на состав «инструментария» историка – урбаниста в целом.

Представляется, что методологическую базу историко – урбанистических исследований должны составить общепринятые принципы историзма, объективности и системности научного анализа, причем принцип системности (следуя которому, историк рассматривает явления, процессы и события прошлого как звенья одной цепи, единой системы) требует, применительно к такому много – компонентному объекту, как город, расширенного толкования. Здесь предлагаются четыре исходных позиции:

1. Специфика города как системы заключается, прежде всего, в ее терри – торияльной привязанности. Это первое феноменальное свойство городской системы, отличающее ее от всех известных искусственно созданных систем; второе свойство – в том, что во все ее подсистемы входит население города, деятельность которого, опосредованная через процессы и связи с объектами, наполняет городскую среду; третье свойство – культура (исключительно присущая социально – психологическим объектам), как условие формирования и развития города и как продукт деятельности его населения

2. Являясь звеньями глобальной системы расселения, города представляют собой элементы определенного уровня в этой общей системе, рост и развитие которых определяется культурным, политическим и материальным потенциалом общества

3. Город, как система, рассматривается в трех уровнях иерархии терри – торияльно – пространственных систем: первый уровень – единая общегосударственная система расселения; второй уровень – региональные (или субрегиональные) системы расселения; третий уровень – отдельные поселения

4. Иерархичность организации городских процессов характеризуется оп – ределяющим влиянием элементов внешней среды по отношению к внутрен – ней.

Что касается города как объекта исследования, то он понимается как не – растворимое единство «процесса» и «места», т.е. территория рассматривается как пространственная организация городских процессов, развивающихся в многомерном пространстве функциональных связей.

В «инструментальный набор» историка – урбаниста, помимо «экскурсионного метода», обязательно должны входить и такие традиционные методы анализа исторической действительности, как диахронный (город изучается как единый географический объект на протяжении всего времени своего существования или отдельных периодов развития), сравнительно – исторический (исследуемый город сравнивается, в динамике развития или отдельными «срезами», с другими городами в российском и мировом масштабах) и различные варианты количественных методов.

Теоретическую основу любого научного исследования, кроме определенного набора методологических принципов и подходов, составляет понятийно – терминологический аппарат. Поскольку до настоящего времени в отечественной

исторической науке не определено до конца конкретное содержание самого понятия «город» (в современной западной научной литературе бытуют два подхода к определению города — первый делает акцент на наличии географической зоны, административной единицы или застроенной территории, образующей город, в противоположность сельской местности, а второй акцентирует внимание на способах организации людей и противопоставляет городское общество сельскому (10), но они вряд ли употребимы в исследовании российского города из-за их чрезмерной обобщенности), а также множества производных от него понятий, постольку, опираясь на уже существующие наработки и на собственный исследовательский опыт, попытаюсь предложить наиболее приемлемые, на мой взгляд, трактовки некоторых понятий (применительно, в основном, к отечественной истории XVIII — XX вв.).

Проблема разделения поселений на «город» и «негород» в России существовала еще в XVIII веке, относясь тогда не к научной, а к административной и статистической — демографической сферам. Несмотря на то, что начало «новому городскому устройству» было положено еще Петром Великим (реформы городского управления 1699 и 1720 — 1724 гг. резко «разграничили» городские и сельские поселения), ни в елизаветинское время, когда петровское законодательство о городах было частично трансформировано, ни в екатерининскую эпоху, когда «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года был установлен сословный характер «градского общества» и введена выборная городская Дума понятие «город» законодательно не было определено. Ничего в этом смысле не принесли и законодательные акты о городском устройстве (включая «Городовые положения» 1846, 1862, 1870 и 1892 годов) всех последующих русских императоров.

К. Герман, с именем которого связан первый опыт изучения и систематизации демографической статистики в XIX веке, еще в 1819 году писал о трудностях определения численности городов и городского населения в России, вызванных «отсутствием единообразия» в определении «город» в источниках того времени. Тогда существовал ряд признаков определения городов: по «хозяйственным видам», «по видам управления» и принятый административной властью принцип дифференциации городов на губернские и уездные. Сам Герман определял города «по видам управления», классифицируя их по числу жителей (11). Много позже автор введения к первому тому «Общего свода» данных Всероссийской переписи населения 1897 г., ссылаясь на неконкретность понятия города в России, предложил относить к городам все поселения с числом жителей более двух тысяч человек (12), что было попыткой введения в оборот исключительно формального признака (численности населения без учета рода его деятельности).

Что касается дореволюционной научной литературы, то вопрос определения города как типа поселения, как и вопрос типологии поселений вообще, рассматривался В.П. Семеновым — Тянь-Шанским, предлагавшим определять город по двум признакам: «людности» населенного пункта и доле населения, занимающегося торгово — промышленной деятельностью, выводя некий коэффициент «бойкости...торгово — промышленного оборота на одного его (поселения — В.Б.) жителя» (13).

Уже в 1913 году Центральный статистический комитет, казалось бы, на — живший достаточный опыт разработки статистики городов и ее публикации, вынужден был признать, что «до настоящего времени... ни официальная

статистика, ни наука не установила таких оснований, которые можно было бы считать общепринятыми». Далее предлагался возможный вариант толкования понятия «город»: «В России до настоящего времени под городами разумеются такие поселения, которым, кроме наименования города, законом присвоено и особое административное устройство и управление» (14).

Неопределенность в понимании того, что есть город как тип поселения, существовала и в советское время, с той лишь разницей, что проблема пере — кочевала из сфер административной и статистической (к моменту первой Все — союзной переписи населения 1926 г. состав городов был законодательно определен) в сферу исключительно научную. В советской историографии была сделана попытка (Л.М. Ивановым) поставить типологические особенности городов в непосредственную связь с их сословно — классовой структурой (15), что являлось огромным шагом вперед, но справедливо лишь для России капиталистического времени. Вслед за идеей Л.М. Иванова, Е.Я. Водарским и В.М. Кабузаном было предложено классифицировать поселения в качестве городских исходя из их функционального значения: к городам России XVI — XVIII вв. (до административных реформ 1775 — 1785 гг.) должны быть отнесены поселения, являвшиеся торгово — промышленными центрами своих округов и имевшие посадскую (сословную) общину: в 1785 — 1917 гг. городами следует считать поселения, которые являлись торгово — промышленными центрами своих округов и имели статус города (16). Слабым звеном такого подхода является то, что в разряд городов не включается значительная группа поселений, имевших торговые и промышленные функции, но не имевших официального статуса.

В обширном монографическом исследовании П.Г. Рындзюнского выс — казана мысль о том, что вряд ли возможно найти более приемлемый принцип определения города, нежели основанный на признаке официального разделения поселений на городские и негородские, с оговоркой, что этот принцип «спорный и во многом неудовлетворительный» (17). Комментарии излишни.

Б.Н. Миронов в статье «Русский город во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Типологический анализ», не ставя перед собой задачу дать определение городу, и используя в своей типологии только «официальные города», тем не менее очень близко подошел к толкованию понятия «город» с функциональной точки зрения: «Исторически сосуществовали города различного функционального типа. Поэтому нам представляется неправильным признавать собственно городами только промышленные и торговые города, а все остальные (аграрные, военно — административные и города смешанного типа...) считать ненастоящими и исключать из системы городов на том основании, что в них торговые и промышленные занятия населения не стали главными» (18).

Очевидно, что ни одна из вышеизложенных точек зрения о том, что есть город, не может быть принята в качестве определяющей. Однако критический анализ и выбор «рациональных зерен», дополненный собственными сообра — жениями, позволил сформулировать следующую систему взглядов на существо города вообще и городских поселений Российской империи XVIII — нач. XX вв. в частности:

1. Город — исторически сложившийся тип поселения, эволюцией обще — ственных отношений постепенно выделенный из среды сельских, выполня — ющий специфически городские функции в пространственной системе функ — циональных связей (являясь узлом этих связей) на мировом, государственном или региональном (субрегиональном) уровне. К специфически городским

относятся: административно – политическая, торговая, промышленная и культурная функции

2. В разные исторические периоды сеть городских поселений представляет собой иерархически стройную функциональную систему

3. Сеть городов (на всех уровнях функционирования) представляет собой одновременно результат и фактор территориального разделения видов деятельности.

Из общего набора городских функций, используемого обычно в типологических и классификационных исследованиях (19), оставлены административно – политическая (военно – административная), торговая, промышленная и культурная на том основании, что остальные – транспортная, хозяйственная, рекреационная и функция рынка рабочей силы – сами по себе не поднимают поселение даже до регионального масштаба функционирования, к тому же монофункциональный город в периоды позднего феодализма и капитализма – явление экстраординарное. Что касается аграрной функции города, то таковой может считаться деятельность населения, направленная вовне (а не на удовлетворение потребностей самого города), как, например, в «малых» городах России XVIII века подсобное садоводство и огородничество превратилось в торговое (чему способствовала специфика общественного разделения труда) (20). Кроме того, аграрная функция не является специфически городской, и т.н. «аграрные города» представляют собой переходную форму от сельской к городской форме поселения (21).

Таким образом, при разделении поселений на «город» и «негород» в исследовательских целях, необходимо определить доминирующую функцию и место поселения в пространственной системе функциональных связей (т.е. уровень функционирования).

В процессе изучения истории Екатеринодара и привлечения (для сравнения) типологических характеристик других городов Российской империи, передо мной, в числе прочих, стояли задачи определения исторической специфики т.н. «войсковых городов» и толкования понятия «город – крепость» (22). Основные результаты решения этих задач (для подробного разъяснения сущности «войсковых городов» необходима отдельная статья) сводятся к следующему.

Войсковыми городами в Российской империи XVIII – XIX вв. считались города – административные центры земель казачьих войск. В войсковых городах отсутствовала система муниципального самоуправления (они управлялись войсковыми администрациями) и всеобщее «градское общество», поскольку на территориях казачьих войск (и, соответственно, в войсковых городах) право оседлого жительства имели только лица войскового сословия. Примеры войсковых городов – Екатеринодар, Новочеркасск, Орск, Уральск, Черкасск и др.

Городами – крепостями в России XVIII – XIX вв. назывались укрепленные особым образом поселения (расположенные «по периметру» государства), выполнявшие, помимо оборонительной, еще и административные и экономические функции. Само поселение находилось внутри крепости и заключало в себе максимальный (типовой) набор построек военного и хозяйственного назначения. При крепостях устраивалось укрепленное предместье – т.н. форштадт (23). Примеры городов – крепостей – Александровск, Кизляр, Омск, Оренбург.

Не имея достаточного исследовательского опыта для толкования таких явлений русской истории XVIII — начала XX вв. как «регулярные города», «города военного ведомства», «упрощенное городское управление», «фабричные села» и др., замечу лишь, что для понимания их сущности необходимы отдельные исследования, а сформулированные на основе этих исследований трактовки понятий должны войти в состав понятийно-терминологического аппарата комплексных историко-урбанистических исследований.

В завершение статьи коснусь вопроса о датировке возникновения городов (в отечественной науке он практически не освещен).

Опыт изучения начальной истории российских городов, возникших в XVIII — начале XX вв., позволил сформулировать следующий принцип определения даты основания поселения. В зависимости от характера и условий возникновения поселения, а также от находящейся в распоряжении историка источниковой базы, выбирается наиболее подходящий факт из такого набора: прямые факты — события — официальная закладка, появление постоянного контингента населения, указ о переводе сельского поселения в разряд городских; и косвенные (условные) — указ об основании, первое документальное свидетельства о существовании поселения в конкретном месте, первое употребление топонима (урбанонима) в источниках того времени. Косвенные критерии могут быть использованы только при отсутствии прямых (24).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Tales of Cities // International Social Science Journal*, 125, 1990.
2. Города России. Энциклопедия. М., 1994, С.5.
3. Там же, С.552-554.
4. Гревс Иван Михайлович (1860-1941 гг.), историк, профессор Бестужевских курсов, затем Петербургского и Ленинградского университетов, активный деятель и один из теоретиков краеведческого движения 1920-1930-х годов. О И.М. Гревсе см.: Иванова Л.В. Учитель науки // Отечество. Краеведческий альманах., 1991, 2. С.22-27.
5. См.: Лихачев Д.С. Образ города // Знание-сила, 1988. 5. С.10.
6. Ученик И.М. Гревса Н.П. Анциферов в книге «Душа Петербурга» Петроград, 1922: использует другое выражение, синонимичное понятию «образ города» - *Genius Loci*, т.е. «дух места», или «божество местности» (лат.).
7. Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело.. 1921, 1, С.22.
8. Гревс И.М. История в краеведении // Краеведение. 1926. 4, С.31-32; см. также: Отечество. Краеведческий альманах, 1991, 2. С.12-14.
9. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петроград, 1922, С.16.
10. См.: Dogan Kuban. *The Indeterminate Character of Istanbul Culture*. Istanbul, Tarin Vakfi, 1922; Nichola Johnson. *Reflecting Cities*. London, 1993; Nick Merriman. *The Peopling of London*, 1993; Emrys Jones. *Metropolis*. London, Oxford University Press, 1990; Richard Sennett. *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*. New York, Norton, 1994 и др.
11. Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. 1., О народонаселении. Спб., 1819, С.229-231, 262.
12. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т.1, Спб., С.V.
13. Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. Спб., 1910. С.55-56.
14. Юбилейный сборник Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. Спб., 1913, С. 20-21.

15. Иванов Л.Ц. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, С.312-340.
16. Водарский Е.Я., Кабузан В.М. Население городов России в XVI - начале XX века// Численность и классовый состав населения России и СССР. Таллинн. 1979, С.141.
17. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С.126-127.
18. Миронов Б.Н. Русский город во второй половине XVIII - первой половине XIX века. Типологический анализ // История СССР, 1988, 5, С.168.
19. См.: Боже-Гарнье Ж., Шабо К. Очерки по географии городов. М., 1967; Мерлен П. Город: количественные методы изучения, М., 1977; Павлова Л.И. Город: модели и реальность. М., 1994.
20. Миров Л.В. О так называемых аграрных городах России XVIII // Вопросы истории. 1968, 6, С.59.
21. Миронов Б.Н. Русский город... С.152.
22. Применительно к Екатеринодару решение этих задач изложено в следующих публикациях: Бондарь В.В. К вопросу о типологии российских городов: Екатеринодар // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994.С.87-95; Бондарь В.В. Екатеринодар - войсковой город (1793-1867 гг.)//Вопросы отечественной истории. Краснодар, 1995.С.36-41.
23. См.: Крашенинникова Н. Принципы планировки регулярных городов-крепостей XVIII в. на примере Оренбурга // Архитектурное наследство, 1973. 21, С.13-30; Шквариов В.А. Планировка городов России XVIII - начала XIX вв. М., 1939.
24. Предложенная точка зрения была опубликована: см. Бондарь В.В. Точка отсчета екатеринодарской истории // Древности Кубани. Краснодар, 1997, декабрь, С.37-45; Когда же был основан Екатеринодар? Материалы «круглого стола // Голос минувшего.1997, 2, С.55-57.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия.
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВДИ - Вестник древней истории.
ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.
ГАРО - Государственный архив Ростовской области.
ЗРАО - Записки Русского археологического общества.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КГПИ - Краснодарский государственный педагогический институт
ИАК - Известия императорской археологической комиссии.
МАР - Материалы по археологии России.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
МАК - Материалы по археологии Кавказа.
МИСК - Материалы по истории Ставропольского края.
ОАК - Отчеты Археологической комиссии.
ПАИ - Полевые археологические исследования в Грузии.
РА - Российская археология.
СА - Советская археология.
САИ - Свод археологических источников.
СЭ - Советская этнография.
Тр.АС - Труды археологического съезда.
Тр.ГИМ - Труды Государственного исторического музея.

Подано в набор 18.05.98. Подписано в печать 25.05.98.
Гарнитура Ариал. Печать офсетная. Усл. п.л. 4,1.
Заказ №215. Тираж 100 экз.